

A movie poster for the Russian film 'The Provincial 2'. The background is a romantic scene from the movie, showing a man in a blue military uniform with gold epaulettes and a woman in a grey lace dress looking at each other. The title 'Дина Зарубина' is at the top, and 'ПЛЕМЯННИЦА ИЗ ПРОВИНЦИИ 2' is in the center. A '18+' rating is in the bottom right.

Дина Зарубина

**ПЛЕМЯННИЦА
ИЗ
ПРОВИНЦИИ 2**

18+

Дина Зарубина

Племянница из провинции -2

«Автор»

2026

Дина Зарубина

Племянница из провинции -2 / Дина Зарубина — «Автор», 2026

Замуж не пропасть, она согласна! Ну и ладно, что муж оказался принцем, у всех свои недостатки. Эухения больше не одинокая сирота, барахтающаяся в море житейских проблем. Она ассистент знаменитого артефактора и сама успешно осваивает магию. Вот только ей приходится скрывать свои способности. Изобретение магистра и учителя Эухении помогает раскрыть заговор против короны и спасти людей от чудовищ Чародейного леса. Снова черная магия? И еще один запутавшийся черный маг? Практичная девушка и черного мага заставит приносить пользу! У нее поместье в полном упадке, восстанавливать надо!

© Дина Зарубина, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	40
-----------------------------------	----

Дина Зарубина

Племянница из провинции -2

Утро настало слишком быстро.

Принц опять сбежал. Нет, надо с этим что-то делать, две ночи рядом и ничего интимного! Сам же требовал, а теперь я не нужна? Нет, все понимаю, политика, твари, безопасность и все такое. Но обидно же!

Почтовые порталы – это сеть узких пространственных туннелей по всей стране. Пакетик с яйцами восьмиларов долетит из столицы до порта Колеан меньше, чем за час. До Опусы через два часа. Почту в крепостях вряд ли кто досконально проверяет, проверить обязаны были при отправке. Видимо, стандартный артефакт не срабатывает, если написано «цветочные семена», то верят написанному. Мелкое, живое, не опасное.

У магов полно своих дел, чтоб проверять всю входящую почту. Шептались на рынке, что возле Брамбурре видели огнероек, которых там никогда не видывали. Крайне вредная тварюшка, роет ходы под землей, а стоит их задеть, вспыхивает пламенем. Заведись такая тварь в Уноа-Коэсе, все сады погибнут. Боги, а я тут огорчаюсь, что принц ко мне холоден? Тут Кэл-лавейн в беде! Урожай, огороды, поля!

– Вы готовы? – в дверь просунул голову Патрик Бум.

Не заметила, как долго возила в перловой каше ложкой. Все остыло.

– Да, конечно, – отодвинула тарелку и встала.

К чему готова? Спросить не успела. Мы спустились во двор и Бум меня вдруг подтолкнул в спину.

Свежий лесной воздух сменился нежным горьковатым благоуханием поздних осенних цветов. Хрюмантемы? Они же дорогие, как катабский шелк! Насколько знаю, их только в Аран-манае разводят, потому что покойная королева их обожала. Я моргнула и топнула ногой с досады.

Патрик меня забросил в столицу!

Ну, вот что за подлость? Как мне быть женой при таких условиях?

Пошла по дорожке, нахмурившись. А что это меня так разбирает обидой? Я же не испытываю к Даэниру никаких чувств? Оскорбленное самолюбие царапается? У нас договор! Я честно пыталась его исполнить. Не вышло, значит, отложить можно. Откуда вот это унылое ощущение «я никому не нужна, меня даже черный маг не хочет, жизнь не удалась?». Не требует супружеский долг – и отлично!

«Врешь, – шепнул внутренний голос. – Тебя бесит, потому что маг тебе понравился, а ты ему не нужна».

Ну да. Даэнир оказался вовсе не такой сволочью, как я ожидала. Даже Тотошу предлагал спасти. Мое мнение спросил, посоветовался. Никого раньше мое мнение не интересовало. Он был вежлив, предупредителен и мне понравилось быть рядом. Конечно, я и сама отлично могу о себе позаботиться, но когда это делает мужчина, приятно. Но это же делает женщину слабой. Вот так привыкнешь, что все твои проблемы решает кто-то другой и оказываешься сначала за каменной стеной, а потом в клетке.

А я сильная! Не буду растекаться лужей, как Ирма от Леона. Я огляделась. Ага, Западное крыло дворца Жемчужной тишины. Как раз там находятся кабинеты министров, казначея, управляющего дворцом, приемные, в общем, деловая часть резиденции.

И лакей невдалеке торчит, любитесь розовыми хрюмантемами.

– Милейший! Немедленно проводите меня к дону Мееру!

Лакей выпучил глаза, а я медленно покраснела. Да, желтое бархатное платье дочки донны Ярве выбивается из придворного стиля, но мне некогда.

– Вы оглохли?

– Донья, это часть сада предназначена исключительно для членов королевской семьи. Могу проводить вас к парку, открытому для горожан.

– Донна Стаприт. И мне нужно к дону Мееру. Срочно.

– Донна, я не могу. – Лакей состроил мученическое лицо: «Объясняй тут каждой дуре очевидные вещи!».

– Тогда вы работаете в Аранмане последний день.

– Я сейчас стражу кликну, она вас выведет! – уши лакея покраснели.

– Зови. Они поумнее, чем лакей-раззява. Всегда считала, что служащие во дворце порас-торопнее, и в людях разбираются получше. Ошиблась. По знакомству кого только не берут, даже форменных болванов.

Идиот действительно позвал стражу.

И пребывал в блаженно-победительном состоянии, пока старший караула мне низко не поклонился и не предложил проводить в любое место Аранманая. Хорошо, что меня представили ко двору и многие меня запомнили. А уж стража вообще всех значимых людей обязана в лицо знать. У них книжечка есть толстенная с портретами и приметами. Главных лиц королевства, не главных и пролетающих мимо. Типа посланников и дипломатов.

– Благодарю, офицер. У меня будет просьба к управляющему дворцом. Этого молодца поставить на чистку ножи. Недельки на две-три. А то любит хрюмантемами, как урожденный принц, проявляет неуважение к членам королевской семьи. Приказы не исполняет.

– Передам, – кивнул офицер, бросив беглый взгляд на опешившего лакея.

В деловой части дворца нарядных фланирующих придворных не наблюдалось. Тут бегали взмыленные секретари с папками документов, вели прием высшие чиновники, дело-производители скрипели перьями, архивисты подшивали материалы.

– Кабинет донна Меера, донна. – Офицер щелкнул каблучками.

В приемной сидел секретарь, вставший при моем появлении. И мое желтое платье «крестьянский шик» не вызвало у него абсолютно никаких эмоций на лице. Я восхитилась его выдержкой.

– Донна?

– Донна Стаприт. Эухения Стаприт.

В глазах секретаря отразилось понимание.

– Сию минуту уведомлю его сиятельство о вашем визите. Могу я предложить вам чай, взвар, кофе?

Через две минуты я сидела у стола донна Меера и держала крошечную чашечку с одуряюще пахнущим кофе.

Глава Тайной стражи нервничал.

Он знал, что меня толкнула принцесса и он знал, что я знаю. Но ничего поделать с персона королевской крови не мог! Только выслать за пределы Кэллавейна, да и то скандал будет. Лучше дожидаться, когда принцесса сама уедет. Я тоже это понимала, расправы не требовала, поэтому дон Меер выдохнул и был настолько любезен, насколько ценил мое понимание. Меня же занимало совсем другое.

– Скажите, дон Меер, какие подвижки по делу об отправителях в Опусу и Луангву... вредоносных писем?

Дон Меер шевельнул желваками.

– Ничтожные. В половине случаев отправитель на письме не указывал обратный адрес, ограничиваясь неразборчивой закорючкой. В половине случаев указаны фальшивые адреса. У нас нет зацепок. Магические следы стерты.

– Но, дон! – я торопливо поставила чашечку с кофе на стол. – Это же порталная экспресс-доставка! Отправление в Опусу из столицы стоит три далера! В Калеон целых пять!

Дон Меер шевельнул бровью. Не дошло.

– Дон Меер! – всплеснула руками я. – Это дорого! Очень дорого! Это недельный заработок служащего на почте, горничной в гостинице, аптекаря или приказчика в лавке!

– И что? – все еще не понимал глава Тайной службы.

– Если отправитель жалуется, что адресат не получил письмо, почта обязана возместить ущерб. А бюджет не бесконечный! Во всех случаях экспресс-доставки почтовым порталом делается запись в реестре! Оператор обязательно спросит фамилию и адрес! Это же деньги! Которое почтовое ведомство не намерено возвращать по каждому требованию разным мошенникам. Почта разорилась бы! Без этих данных и штемпеля ни одно письмо не попадает в портал! Как иначе бороться с недобросовестными отправителями?

– Реестр? – моргнул дон Меер.

– Более того, в каждом почтовом отделении имеется особая книга на порталные отправления! Прежде, чем закинуть письмо в портал, сотрудник почты делает запись в отдельный журнал. Кто, куда, когда отправлял и вес отправления. Чем тяжелее, тем больше стоимость отправки.

– Донна! – Дон Меер порывисто вскочил. – Простите, мне нужно срочно дать распоряжения...

– Конечно, дон. Более того, за состояние и проходимость почтовых порталов отвечает магистр аэрмоции, на главном почтамте это дон Себастьян Холли. Разве он вам не сказал про реестры? Про штемпеля? Или... – я сделала театральную паузу. – Он сам не в курсе?

– Иглоежкин хвост! – дон Меер вылетел из кабинета, опрокинув стул.

Я поставила опустевшую чашечку из-под кофе на стол и вышла из кабинета.

Откуда-то из конца коридора раздавался начальственный рев.

Удовлетворенно улыбнулась и разгладила яркую юбку. Пожалуй, надо переодеться. И ехать к магистру Ямбиру. Насиделась уже во дворце.

До моих покоев меня проводила первая встреченная служанка.

Красивые покои все-таки. В гардеробной висел целый ряд новых платьев.

Когда же они успели нашить столько? Восхищенно коснулась синего атласного подола, украшенного золотой лентой. Все-таки я молодая девушка, мне тоже хочется красиво одеваться, смеяться и танцевать.

Жаль, в городе в таком не пройдешься. Я выбрала серо-лиловое платье с малиновыми вставками. У него единственного затяжка оказалась на боках, а не на спине. Сверху накину длинное пальто с пелериной. Такое мягкое! Коричневое, а не клетчатое. Но дареному пальто в швы не смотрят. И небольшую круглую шляпку с короткой вуалеткой.

Пока переодевалась, в мои покои никто не заглянул. Ну, и замечательно. Хотя, с другой стороны, непонятно – принцесса вернулась, а никакого шевеления, никакой суеты. Уж лекаря-то могли прислать? Считай, из кривого портала вернулась. Или меня тут живой не ждали уже? А где тогда траурные флаги? Безобразие.

В коридоре застучали шаги. Много шагов. Я насторожила уши.

– Никак нет, ваше высочество, – сказал мужской голос вместе с хлопком двери. – Тут никто не появлялся. Видите, пусто.

– Брат вестника прислал, Эухения здесь! – отозвался принц Ламберт.

Хм, оно мне тут надо, семейные объятия, трехчасовой обед и выслушивание охов и ахов? Они мне даже приличные похороны не устроили. Не надо встреч. Не настолько еще прониклась семейными узами. Я тихо открыла неприметную дверь, выходящую из гардеробной на лестницу для слуг.

Спокойно прошла по внутреннему дворику, не спеша миновала цветник и сквозь арку зеленого лабиринта очутилась в той части парка, куда допускалась публика. Гвардеец у арки глазом не моргнул: я же выходила, а не пыталась пролезть на закрытую территорию.

Большие дилижансы, в которых приехали желающие погулять по парку резиденции, стояли на площадке. Я узнала, какой отходит прямо сейчас и залезла внутрь. Билеты тут брали при отправлении от Ратушной площади сразу в оба конца, так что платить ничего не пришлось.

– Не может быть! Ты точно слышала? – Эллибет тряхнула служанку за плечи так, что у девушки мотнулась голова.

– Госпожа, я сама не видела ее! Лакеи болтают, что один ей нахамил и его отправили на грязную работу! Принц Ламберт по всему дворцу ее ищет!

Эллибет отпустила девушку и застонала.

Да что же, этой мерзавке сама судьба ворожит, что ли? Не должна она была выжить! У нее ноги здесь должны были остаться! Тут ножки, а там рожки! Портальное расщепление! Тот жалкий раб, которого держал при себе отец, рассказывал, что затухающий портал отсекает все, что не успело пройти линию сепарации! Дрянь коротконогая! Проскочила целиком!

Празднование кончилось, принцесса и так задержалась. Ее, конечно, не выгоняют из дворца, но смотрят очень выразительно. Особенно этот дон Меер, глава Тайной стражи.

Приходится изображать лучшую подругу принцессы Ульрики, вот не может она с ней расстаться! Тьфу, клуша! И дети ее противные, так и норовят оторвать украшения с платья или за волосы дернуть. А Ульрика возится с ними, будто ничего важнее и интереснее в жизни нет. Даэнир недоступен. Отсиживается в этой дурацкой крепости, чтоб ее до основания разметало!

Принцесса Эллибет прикусила губу в досаде и слишком сильно стукнула молотком по шару. Идиотская игра гонять шары под воротцами! У них дома играют всадники на горячих скакунах, там скорость, азарт, там участник покалечиться может всерьез! А тут чинно ходи по павильону с молотком на длинной ручке, чтоб их пантеры погрызли!

– Такая красивая не должна сердиться!

Принцесса с брезгливостью посмотрела на принца Руэна. А этот фулирский обжора чего задержался? Не всех придворных дам перевалил?

– Есть разговор! – принц Руэн коротко кивнул в сторону оранжереи.

Эллибет нахмурилась. Однако не ей бояться какого-то сопящего вульгарного увальня! Особенно, когда черная пантера Илулу мягко идет у бедра.

Толстый, с кривыми ногами Руэн шел впереди, смешно переваливаясь, оскорбляя взор принцессы своим уродством. Вот дома у нее рабы ладные, гладкие, с горячей кожей, с гривами длинных волос, которые так приятно наматывать на кулак. Стройные, широкоплечие, с крепкими ягодицами, нежными руками и ловкими языками! Кто сказал, что будучи девственницей, нельзя позволить себе плотские радости? Ее научили. Из-за глупого обычая приходилось себе отказывать в главном, но и неглавное было упоительным. Да и зачем? От этого дети бывают. А от языка еще ни одна женщина не зачала.

Принцесса, следуя за Руэном, даже улыбнулась, припомнив любимого раба Ульма. У него светлые волосы и черные глаза, редкостный экстерьер. Смотритель гарема купил его за триста цехинов, немыслимая цена за раба. Жаль, нельзя было взять его с собой.

– Ваше высочество, – Руэн поглядел по сторонам и уставился на нее. – Вы гневаетесь, что не удалось сделать Даэнира вдовцом?

– Что? Да как вы смеете подозревать меня в подобном? – Эллибет задрала подбородок.

– Ой, да бросьте! – Скривил лицо Руэн. – Вы вокруг него, как акула, всю неделю вились. Да не выгорело! И эту его жену тайную, похитить пытались. Не вышло. Разве не так?

– Я не буду слушать этот бред. – Эллибет смерила Руэна презрительным взглядом и развернулась.

– Я на вашей стороне, – поднял ладони Руэн. – Но если вы хотите стать королевой Кэллавейна, вам нужен не Даэнир. Он черный. Он никогда не сможет сесть на трон, Совет магов не позволит. Да и не стремится он к власти.

Принцесса посмотрела на Руэна, как на идиота.

Как это не стремиться к власти? Что он несет? Это попросту невозможно! У нее семнадцать братьев, и они готовы поубивать друг друга ради султанского тюрбана. Старший брат уже четырех дегустаторов пищи сменил, а охрану меняет каждый месяц.

– Скоро в столице начнутся волнения. И если вам нужен трон Кэллавейна, то и мужчина нужен другой. Не Даэнир.

– О чем вы? – нахмурилась Эллибет. – Кронпринц Ламберт наследник и он женат.

– Человеческая жизнь такая хрупкая, – закатил глаза Руэн. – Моя мать, между прочим, родом из Кэллавейна. Она родная сестра короля. Если не станет ни Ламберта, ни Даэнира, то у меня больше всех прав на трон.

– У Ульрики двое сыновей, – возразила Эллибет. – Корова станет регентом при старшем, а Совет магов не будет возражать.

– Я думал, вы умнее, – фыркнул Руэн. – И действительно хотите стать королевой.

– Что вы предлагаете? – поджала губы Эллибет.

– Станьте моей женой! Я займу трон Кэллавейна, а вы сядете рядом со мной. Я короную вас!

Эллибет посмотрела на надувшегося толстяка, на его выпуклые светло-серые глаза, красные трясущиеся щеки и расхохоталась звонко, неудержимо. Илулу недовольно рыкнула и нервно дернула хвостом.

– Ты? Рядом со мной? – Эллибет вытерла выступившие слезы. Махнула рукой и пошла прочь из оранжереи, спотыкаясь от смеха.

Руэн сжал кулаки в ярости. Над ним посмеялись?! Ничего, эта девка ничем не лучше других. Она будет ползать у его ног и умолять ее взять. Скоро, совсем скоро. Ему обещали, что подготовка завершена.

Массовые прорывы на границах, волнения в предместьях, маги растеряются, войска кинутся спасти население. Осталось последнее усилие. Как только умрет король, а ему обе-

щали, что это случится на днях, Ламберт подавится сталью, а Ульрику и детей даже в расчет принимать не стоит. Их жизни никому не нужны.

Донна Роза приняла письмо, привычно взвесила, обсчитала. Получила оплату, выдала сдачу. Однако тревога не разжала коготки. Стопка корреспонденции для магистра Ямбира уже занимала весь стул, доходя до верха резной спинки.

С девочкой что-то случилось. Неужели профессор выгнал ее? Донна Роза ощутила гнев. Старый маразматик! Хорошей девочке нужно новое место. Хорошее.

Да еще в сортировочной засели какие-то мутные ребята. Сразу двое, с наглыми глазами. Шерстят книги, дон Ливано сидит там с ними, дает пояснения.

А ну, как отделение закроют? Почтамт рядом, скажут: «Нет объективной необходимости» и закроют. Не то, чтоб она так уж нуждалась в деньгах, муж-печник отлично зарабатывает, да и дочь постоянно намекает, что за внуками присмотр нужен. Но ведь профессия! Чистая, уважаемая! Все новости сюда стекаются. И все люди заходят, где слово, где два. А сядет она дома, пироги печь да носки вязать? Нет, она не согласная!

– Что там, не слыхали? – Дон Кулас кружкой махнул в сторону сортировочной.

– Дверь закрыли. Я нос сунула, так отчитали! – донна Роза поджала губы.

Дон Кулас покачал головой и отхлебнул из кружки.

– И ведь не почта их интересует... Я думал, ревизия. Ан нет. Порталы их беспокоят.

Донна Роза вытаращила глаза. К почтовым порталам настолько все привыкли что и не замечали, какое это чудо! Открываешь дверцу, внутрь закидываешь письмо или пакет, и адресат его через час получит! Что там может случиться?

– Плановые работы, поди? Посылка какая важная пропала?

– Почтамт закрыли! – прошептал дон Кулас, обдав ее густым винным духом.

– Да не может быть! – ахнула донна Роза.

– Обычная доставка работает, а порталную сеть закрыли начисто!

– Будет врать-то! Это ж самый доход! – рассердилась донна Роза. – Кончали бы вы, дон Кулас, с чаем вашим! Невесть что несете!

Дон Кулас обиженно булькнул и отошел от коллеги.

Я отпустила извозчика у почты. Могла накопиться целая гора писем. Магистр терпеть не мог почту, «проклятое место», говорил. Конечно, там же люди, а где люди, там разговоры, шум, беспокойство одно!

Первой меня углядела донна Роза.

– Деточка! Дженни! Да где же ты была так долго?

Дон Кулас приветственно воздел кружку.

– Как я соскучилась! – похлопала толстуху по жирному плечу. Правда ведь, соскучилась.

– Деточка, да какое на тебе дорогое пальто! – тут же заметила донна Роза. – Никак замуж вышла?

– Вышла, донна Роза, ваша правда. Но я не похвастаться пришла.

– Так вон, почта для магистра уже со стула падает!

Я оценила гору и почесала в затылке. В руках не унести, придется извозчика брать. И сумку просить специальную почтовую, с расширенным внутренним пространством.

– Дон Ливано здоров?

– А что ему сделается. Сидит там с чужаками. Все ищут незнамо что.

– Ищут плохие письма. Кто-то проклятия рассылал по порталной сети.

Донна Роза вскрикнула и тут же закрыла пухлой ладошкой рот.

– Точно! Ты же еще тогда смеялась, что хотела бы королевству навредить, так бы и сделала!

– Это уже давно делалось, донна Роза. Понемногу слали, чтоб зло накопилось. Вот, накопилось. Поздно заметили.

– А кто? Кто злодей?

– Злодея и ищут.

– Так разве ж они справятся? Дон Ливано за стойкой уже лет десять не сидел, в реестры носа не совал!

– Мы бы с вами справились, донна Роза!

– А ведь верно! Ну-ка, пошли! – донна Роза встала и выпятила объемную грудь. Ни дать, ни взять, многопалубный вооруженный галеон!

Бестрепетной рукой донна Роза толкнула дверь. Ее встретили три пары тоскливых глаз. Одинаково недоброжелательных.

– Вы не умеете искать! И не знаете, что! Посторонись, салага! – донна Роза вытряхнула одного из сотрудников со стула, как пушинку.

– Донна Роза! Да что вы себе позволяете! – возопил дон Ливано. – О, донья Дженни! Доброе утро! Но вам тут нельзя быть!

– Да, конечно! – саркастически отозвалась донна Роза. – Кому быть, как не ей? Будто не знаете, что у девочки золотые ладошки!

– Это как? – наострил уши агент.

Дон Ливано закашлялся.

– Донья Дженни отличалась необыкновенной чувствительностью к содержимому писем... – покашливая, объяснил он, краснея.

– Да она даже в газете чувствует, где вранье, где правда! Давайте сюда реестр!

Донна Роза выхватила толстый журнал у сотрудника и разложила передо мной.

Самой стало интересно. Я повела ладошкой по странице.

– Меловая, сорок, дон Стиц.

– Подозрительный?

– Не знаю, но он что-то гадкое посылал в Винзом. Неприятное.

Через два часа я была вся в поту, агенты подпрыгивали в радостном возбуждении и только что не повизгивали, а донна Роза возвышалась над нами с видом «Я же говорила!». Некоторые адреса показались мне знакомыми. Мы задумались, мог это быть не брачный аферист, а, допустим, вербовщик? Решили, что мог. Блокнот тут же изъясил агент.

Дон Ливано лично сидел за окошечком в операционном зале и принимал почту. Дон Кулас смотрел на такое попрание обычного распорядка и даже забывал отхлебнуть из кружки.

– Все, не могу больше! – я захлопнула реестр пятилетней давности.

– Донья, вы чудо! – агент поцеловал мне руку и моментально испарился.

Я согласилась с такой оценкой моих способностей.

– Донья, как вы это делаете? – раздался дрожащий голос. – Вы маг? Почтовый маг?

Мы и не заметили в пылу работы, что под окном все это время сидел парнишка, новый сортировщик. Журналы подавал и не отсвечивал.

– Точно! Есть такая магия! – Донна Роза воздела вверх пухлый палец, и мы рассмеялись.

Когда к закрытию почты появился человек с просьбой помочь следствию в другом отделении, донна Роза только торжествующе выпятила грудь.

– За бесплатно я внутри города не приму записку в две строки! А вам все на блюде подай! Оформляйте консультантом, тогда буду помогать!

Не так уж нужны были донне Розе эти далеры, но участвовать в таком кропотливом деле и не получить хоть какой профит? На это она не могла пойти.

– Получается? – спросил Даэнир в темноту.

Темнота ответила залпом забористых ругательств.

Портальный зал почтамта располагался в подвале. Сейчас, когда потный и матерящийся Патрик Бум заблокировал тоннели, вся портальная доставка сыпалась сюда. Сразу четыре сотрудника проверяли отправления самым современным артефактом, вырванным из закров кафедр артефакторики академии магии. Правда, кто-то из умников посчитал свет-камни вредным излучением и начисто перекрыл освещение.

– Дэн, пошли аресты, – крикнул Камилло в темное помещение.

– Нарыли кого-то? – безучастных в зале не оказалось.

– Пачками народ везут! Отлично сработало десятое отделение, третье и сороковое. Дон Меер волосы на голове рвет, что до такой простой вещи не додумался, по адресам пройтись.

Даэнир дернул бровями. Хотел отпустить шутку, но промолчал. Вспомнил, как долго и безрезультатно сам искал Эухению, понадеявшись на магический поиск. А полицейские без магии справляются. Тут почтовики справились и ведь тоже, считай, без магии.

– Дженни! – обрадовалась горничная Лу.

– Вот, почту забрала. Магистр дома? Сильно ругался?

– Нет. Прислал записку с обедом погодить, у них какое-то срочное заседание на кафедре.

– Горничная пошла за мной. – Дженни, а ты где была-то?

– Болела, – отмахнулась я.

– Так болела, что замуж вышла? – Горничная указала на браслет, блеснувший из-под рукава. – Увольняться будешь?

– До чего же ты глазастая, Лу! – с досадой бросила, натягивая рукав ниже.

– Когда запрещают говорить, поневоле будешь смотреть и слушать, – вздохнула горничная. – Кто он, целитель?

– С чего ты взяла?

– Ну, раз болела, а он лечил, – усмехнулась горничная.

– Нет. Я сознание потеряла на улице, слуга меня подобрал и в дом отнес, – немного профильтровала события. – Целителя мне вызвали.

– Надо же! Добрый, значит. Богатый?

– Не бедный точно.

– Повезло тебе.

– Очень. Но увольняться не хочу. Он тут в побывке, на границе служит.

– Боевой маг? – Глаза Лу заблестели. – Нет, ну вы видели такое счастье? Свалиться на улице, чтоб выйти замуж за боевика! Элиту магов! Тебя богиня судьбы, не иначе, как в лобик поцеловала при рождении!

– Ужасно есть хочу. Если обед задерживается, может, мне Ливия хоть чаю нальет?

Мы направились в кухню. Чаю мне налили и даже утешную плюшку выдали.

– Когда ж ты поправишься, кожа да кости, – проворчала Ливия. – Четыре дня не было, а похудела, будто на тебе месяц воду возили!

Забрякал колокольчик у двери.

– Лу! Накрывай на стол! – рявкнул магистр от порога. – Я голоден, как спинобрюх!

Я поздоровалась с магистром и приняла портфель из змеиной кожи.

– Нет, ты представляешь, они забрали с кафедры все опытные образцы, все экспериментальные разработки, Дженни! Конфисковали! – Бушевал магистр Ямбир. – Королевство требует! А когда я требовал черные алмазы для уникального прибора, что мне ответили? Что на рутинные поделки алмазы не нужны! Рутинные! Мои бесценные артефакты! Все выгребли!

– А что они забрали?

– Определители ядов, детекторы магии, выпрямители.

– Магистр, что такое выпрямители?

– А, эти гениальные недоумки с артефакторского постоянно искажают поток магии! То меняют полюса, то постоянный поток на переменный исправят, то замкнут не там, где надо... Выпрямитель это все обнаруживает, пока лаборатория не взорвалась. Ликвидирует перекосы в потоках.

– Это вы придумали?

– Конечно, я, – фыркнул магистр и более благосклонно посмотрел на безжалостно растерзанный салатный лист в своей тарелке. – Мои разработки выгребли все. Магистры Хитони, Гуро и Ладжой слюной поперхнулись, их безделки никому не нужны! Даром, что магистры! Одно название! Бездарности!

– Магистр, но вы же светило, а они так, фон для вас. На небе одно солнце и много звезд, что вы хотите от других?

– Не лести мне, дерзкая девчонка! – магистр махнул вилок, но настроение его явно поползло вверх. Похвалу он любил не меньше жареной капусты донны Ливии. – После обеда работаем в алхимической лаборатории, – совсем миролюбиво закончил он.

– Конечно, магистр. – После рецепта лимонно-имбирной заливки капусты я на все была готова.

Кроме лимона, натертого с цедрой, четырех ложек оливкового масла, туда шли две ложки яблочного уксуса и две ложки меда! Само собой, чеснок, имбирь, соль и перец. И донна Ливия сказала, что надо куски капусты замариновать в заправке на четыре часа, только потом жарить.

Святая женщина! Таким рецептом поделилась!

Но уж очень ее мое замужество потрясло. «Упала, потеряла сознание, очнулась, браслет?!» она несколько раз повторила, как заклинание.

– Почтеннейший магистр Холли? – заискивающе спросили от двери.

– Приема нет! – привычно крикнул магистр, не поднимая головы от бумаг. Ходят тут, отвлекают! Тем более, что под «Почтовым вестником» лежала программка бегов и магистр мучительно выбирал, на кого поставить.

Бах! Вспыхнул оглушающий артефакт.

«Да что вы себе позволяете?» – хотел высокомерно спросить магистр Холли и выгнать просителя, но язык прилип к небу.

– Пакуйте! – деловито сказал молодой человек в фиолетовой форме.

В кабинет протиснулись двое полицейских, быстро охлопали магистра по карманам, интимно провели перчаткой в паху и по внутренней поверхности бедер, вытряхнули его из служебной мантии, и ею же спеленали.

«Произвол!» – хотел проорать магистр, но ни звука не вырвалось изо рта.

– Не переборщили?

– Нормально, Меер приказал сначала бить, потом допрашивать, – отозвался наглый щенок в фиолетовом.

Дон Холли выпучил глаза и негодуя замычал. Его? Допрашивать?

– Ты когда порталную сеть проверял, магистр аэрмоции? – Фиолетовый нагнулся и заглянул ему в глаза. – Не заглядывал лет двадцать. Или все пятьдесят?

Чего ее проверять? Сделано на совесть, работает – не трогай, золотое правило магии! Что ему, больше всех надо?

Магистр боялся, что кто-нибудь заподозрит, как он получил магистерскую степень и этот пост. Первые годы пыжился, вводил новые регламенты, но выходило плохо, он опасался насмешек, потом привык, расслабился и сам себя убедил, что занимает пост главного мага почтовой службы заслуженно. Столичный почтамт! Куда уж выше для средненького, откровенно говоря, воздушника?

Нужно было правильно жениться. Не глядя на глазки-кудри-сиськи-попку, а с пониманием. Сильная родня, знатный род. Он послушался доброго совета.

Никогда бы ему не досталась дочь прославленного рода, если бы не это назначение. Плевать, что вдова. Род магический, древний. И сын родился одаренным, в него. Супруга, конечно, кривила нос, ей графы и те недостаточно титулованы... но или вдоветь, или по приемам порхать!

Кто бы сказал, что своим положением Себастьян обязан большому органу, моментально твердеющему, и физической выносливости, он бы первый закричал: «Ложь!».

Маркиза Ньяла слово сдержала. И пристроила, и устроила. Не обидела. Присматривала все годы, что он дарил ей плотское счастье. Маркизе на тот момент было далеко за пятьдесят, и она обратила внимание на приятного парня, сносящего все препоны противника в спортивной игре выпускников академии.

Шел дождь, все выпуклости бесстыдно обрисовывались под тонкими прилипшими штанами, и его огромное достоинство, предмет насмешек товарищей, изрядно мешающее ему в личной жизни, вызвало восхищенный вздох маркизы. Она пригласила его в ложу после игры и нарисовала ему будущее. Сытое, спокойное, безопасное. Себастьян согласился без раздумий, и ни разу не пожалел. Ровесницы боялись его огромного ствола, мало кто соглашался на интимные отношения, а маркизе все нравилось.

Она же сказала, посмеиваясь после очередного ослепительного постельного фейерверка, что юные девы не для него. Порвет. А вот вдова заместителя министра почтовых перевозок – хорошая партия. И он через три месяца стал мужем и заместителем главного почтмейстера. А через восемь – главным магом почтамта. Пошли чины. Через пять лет майор, через десять полковник.

Тесть, сильнейший маг воздуха, глава погодного ведомства, сказал, что это его потолок. Плюнул и отношений поддерживать не стал. И на Марка приехал взглянуть, когда малышу исполнилось уже года три. Сунул нос в кровать, скривился и покинул их дом. Уровень мал, древнюю породу испортили. Супруга полночи плакала. А разве они плохо живут? Стелла, конечно, слишком много значения придает титулам и знатности, но кто им не придает значения?

По щеке магистра поползла слеза. Он мало занимался делами, но подчиненные отлично справлялись сами. Он изменял жене. Он содержит любовницу в Ремесленном районе. Но разве он делал что-то предосудительное, позволяющее его завернуть в мантию и кинуть, как тюк, в тюремную карету? Его, полковника-почтмейстера?

Через час он был в камере. Через полтора к нему втокнули разгневанную жену, а соседнюю камеру занял сын.

– Что происходит, Себастьян? – заверещала жена. – Прикажи, чтоб нас выпустили немедленно! Ты же главный маг!

Себастьян Холли еще не мог говорить, только позвенел цепочкой блокирующих наручников, замотал головой и посмотрел с легким отвращением на супругу. Как хорошо было в камере без нее!

Тихо, спокойно!

– Магистр, а вот это что? – я ткнула пальцем в стеклянный ящик, где шевелились желтоватые полосатые червяки.

– Зофобасы. Личинки жука-чернотелки. Очень хороший корм для домашней птицы. Пауков ими кормят, муравьев, квакш. Для рыболовной наживки годятся.

– А вам зачем? – Домашних пушных пауков магистр не держал, к рыбалке был равнодушен. Птичника при доме не было, я точно знала. Ливия покупала птицу и яйца на рынке.

– Они очень хорошо реагируют на магическое воздействие. Их выдают на занятиях первокурсникам для трансмутации. Даже двоечники справляются с превращением червяка в спичку. Через преобразующий артефакт, разумеется. Но приходится держать небольшой запас на всякий случай. Да и если откалибровать прибор понадобится, все под рукой.

Я закрыла глаза и поклялась никогда не открывать профессорский портфель. Баночку червяков он носит на занятия, бе-е!

– А если им жвалы, ноги подлиннее и ядовитые железы?

– Такими глупостями на кафедре живой природы занимаются, – фыркнул магистр Ямбир. – Магистр Мар Абеши вечно опыты ставит. То жуков в пуговицы превращает, то птиц в штопор. То мох кровью поливает, то ершик с ящерицей скрещивает.

При звуке приставки Мар я почти не вздрогнула. Черный маг на кафедре живой природы? Птица-штопор? Так это же винтокрыл! Крайне опасная и верткая дрянь, питающаяся исключительно мозгами! Чтоб их добыть, ввинчивается в ухо или бьет в висок, ломая кость. Камилло рассказывал.

– А он один трудится, или у него целый штат?

– Да у них там вся кафедра вивисекторов-экспериментаторов, все живодеры, до последнего лаборанта. То они ездовых пауков выводят, то живых рыб для чистки труб и канав! Ученый совет ни разу еще их проекты не одобрил, чушь это! Заменять надежные артефакты живыми тварями! – Магистр негодуяще фыркнул. – Издевательство над природой. Ни пользы, ни выгоды.

Я сглотнула.

Ездовые пауки? Так это восьмилпы. А во рву плавают спинобрюхи, я сама видела. Длинная рыба с одинаковыми жесткими плавниками на животе, спине и боках. А ведь верно, ершик. Только зубастый, у нее клыки с палец, во рту не помещаются, выходят наружу. Плевать, что редко расставлены. Агрессивная тварь до ужаса, ей хоть сапог, хоть подушку, все размолотит вмиг на фрагменты и сожрет. Этих милых существ местные травницы в болоте ассимилировали?

Мне стало плохо. А если бы я на такую рыбку наступила голой ногой?

– Но это же крайне опасные эксперименты!

– А, Эммету Абеши хоть кол на голове теши, не уймется, – поморщился магистр. – Кинь зофобасам горсть овсянки, Дженни, да пойдем работать. Я задумал крайне интересный опыт!

– А животных обратно можно превратить?

– Каких животных?

– Искажённых Абеши?

– Хм... нет. – Магистр почесал бородку. – Если эксперимент проводился на взрослой особи, то обратное изменение, скорее всего, вызовет смерть.

– А если личинки, яйца, куколки?

Профессор нахмурился.

– Ты не о том думаешь! У нас в работе стабилизатор магии. Мне пришлось отложить опыты до твоего выздоровления. Отстаем от графика.

– Да, магистр, простите, – я послушно взялась за длинный пинцет с зубчиками.

Сиделка вошла в покои короля легким неслышным шагом.

Хриплое дыхание больного раздавалось чуть слышно. Ей было жалко короля.

Угасать вот так от неизвестной болезни, высохнуть, слабеть, кашлять кровью, страдать от мучительных судорог, покрываться язвами, терять волю к жизни.

Это не кара, это милосердие. Избавление от страданий.

Сиделка заменила флакон с восстанавливающим питьем, приготовленным придворным алхимиком, на свой. Совершенно такой же по форме и цвету жидкости.

Легкая смерть во мне, это же благо? Сиделка, насмотревшаяся всякого, не сомневалась в этом. Король? Ну и что? Перед болезнью и смертью все равны, что бродяги, что герцоги.

Сиделка открыла флакон, налила в стакан часть жидкости. Разбавила лимонной водой. Размешала стеклянной палочкой. Кивнула одобрительно. И достала из-за пазухи крохотный флакончик. Пузырек для ароматного масла, вместимостью капель двадцать. Дала капле упасть в питье. Снова размешала. Тщательно, старательно, не спеша. Она искупительница, а не палач. Оставила стакан на столике и вышла из опочивальни короля.

Прикрыла дверь и тут же была схвачена под руки гвардейцами. Наглая рука полезла в вырез.

– Есть! – шепотом вскрикнул агент.

– Это снотворное, – спокойно ответила сиделка, не делая попыток вырваться. – Его величество плохо спит, кашляет. Без снотворного совсем не отдохнет.

Правда, нынче утром не проснется, но этого сиделка не сказала.

– А дон Эстебан его прописывал?

Сиделка смотрела совершенно равнодушно. Не дергалась.

– Разумеется. Вы ошибаетесь, хватая меня, – спокойствие сиделки поколебало решительность гвардейцев, они немного расслабили руки.

Сиделка тут же воспользовалась этим, ребром ладони сильно и жестко ударила одного гвардейца по горлу, пнула в пах второго, и выхватила пузырек из рук агента, моментально опрокинула его в рот. Судорога прошла по ее лицу. Она упала на колени, схватившись за шею, раскрыла рот в беззвучном крике и повалилась на спину, царапая горло. Глаза ее уставились в потолок.

Тихие, но выразительные ругательства огласили гостиную.

– Олухи! Ох, и нагорит нам! Учись, Мирко, самые опасные выглядят безобидно. Веретеницу изображала, гадюка. Флакон подбери. Все лекарства со столика убрать! Все отдать в алхимический отдел. Труп унести, быстро! – шепотом распорядился старший группы.

Через пять минут труп был вынесен на черную лестницу. В опочивальню прокралась новая сиделка, которая живо покидала все бутылочки в фартук. Фартук с позванивающими флаконами забрал агент.

– Питье приготовь новое королю, – шепнул он девушке. – Неизвестно, от чего болел его величество.

– Шиповника налью, – вздохнула сиделка. Ей тоже было жалко короля.

Хороший король! Ни одной войны не случилось, налоги не повышали, страна благоденствует, торговля процветает. Вот только с тварями беда, так это явно соседи, заклятые друзья, постарались. Выкарабкался бы его величество Роланд, славно было бы. Принц Ламберт, он неплохой, но... художник и творец. Такие хорошими королями не бывают. Принца Даэнира до сих пор при дворе и не видали, а вот надо же, есть у короля старший сын, оказывается! Его сиделка не встречала, но ей рассказали.

Так-то она младшая, «принеси-подай», принята недавно, из сиротского училища, где после приюта дают девочкам профессию. Пока не поручают ей ничего важного и до коронованных особ вот первый раз допустили. Знакомый гвардеец порекомендовал вовремя. Вон что самая опытная сиделка учудила, помыслить страшно!

Про пылающие огненные очи старшего принца и сыплющихся из рукавов камзола жаб и пиявок девушка не поверила. Она сиделка, знает, что из людей выходит, при каких обстоятельствах и из каких мест. Ерунда это! И хорошо, кстати, что старший принц женатый. Порядочные мужчины до тридцати женятся, максимум до тридцати двух. Только нездоровые и порочные брака избегают, нормальным семья важна. Значит, хоть черный маг, но правильный мужчина.

Ничего, она молодая, служба во дворце как раз дает возможность и повидать принцев своими глазами, собственное мнение составить, а то и с просьбой обратиться.

В этом плане конюх короля, который ему коня подводит, куда значимей в дворцовой иерархии какого-нибудь провинциального графа. А сиделка, делающая клизму маленькому герцогу, куда важнее министра! Ее высочество Ульрика мать заботливая, беспокойная, она ценит ответственное отношение к детям. Вот бы ее допустили к маленьким герцогам!

А как детям без дедушки? Нехорошо это! Не по-людски. Пусть его величество поживет хоть с десяток лет еще. А лучше двадцать. Он ведь маг, а маги живут долго, их сила поддерживает.

Сиделка была крайне далека от высокой политики, но следила за королем в обе глаза и старалась на совесть. Помогла попить, облегчиться, повернуться, растерла впалую грудь согревающей мазью, наложила на спину припарку, а на ноги надела носки из паучьего пуха. Под утро король порозовел и сладко уснул, как, пожалуй, не спал уже лет пять.

– И вы тут, капитан Медани? – Дон Горо шел на службу, но в скверике у дома на Горичичной встретил знакомую фигуру в фиолетовом мундире Тайной стражи. Так-то она тайная, но при исполнении в мундире. Как и прочие служивые. Был бы в штатском, дон Горо прошел бы мимо, глазом не моргнув, что он, не понимает, что ли?

– Мое почтение, дон Горо, – отозвался служащий безрадостно.

– Девочку хотели заполнить на опыты?

– Не на опыты! – взвился капитан. – Для помощи!

– И вас наладил магистр Ямбир, – продолжил дон Горо.

Капитан фыркнул. Не то слово «наладил»! С лестницы спустил! На погоны не посмотрел! На предписание! Пользуется тем, что академия не подчиняется ни городским властям, ни военным! Уж эти научные привилегии! Он бы их! Капитан бессильно погрозил кулаком в сторону академии, куда часом ранее отправился довольный магистр.

– А мне вот шепнули, что все старшие курсы боевиков отправлены на практику. Вместо лета. А все средние клепают выпрямители даже на парах по истории магии!

– Донна Эухения оказала неоценимую помощь следствию, – нехотя признал капитан.

– Вам все мало? – ядовито спросил дон Горо. Нет, он сам хотел просить помощи, но подколоть силовика, это ж святое!

– Нам требуется консультант! Ничего в этом позорного нет!

– А то как же. Конечно, нет. Я разве что-то против сказал?

– Дон Горо! Присутствие донны срочно требуется во дворце!

– Ага, ага. Только она оттуда сбежала, пятками сверкая!

– Дон Горо! – Капитан оглянулся, потоптался, затем попросил полицейского нагнуться.

– Учтите, это тайна!

– Да у вас все кругом тайна! – буркнул дон Горо. Однако его седые брови полезли вверх, по мере слов капитана. Он в неверии посмотрел на сотрудника тайной стражи, которого знал еще лопухим стажером в полиции. – Микеле, да как же это? Травят?

Капитан развел руками.

– Сейчас. – Дон Горо решительно направился к дому.

– Не откроют, магистр им запретил, – уныло заметил капитан.

Дон Горо нетерпеливо отмахнулся, прошел под стеной к окну и постучал в стекло. Два раза, затем через паузу еще два. Занавеска отдернулась, показалось лицо кухарки. Рама открылась. Дон Горо встал на цыпочки и торопливо зашептал что-то кухарке. Та кивнула.

Дон Горо вернулся в скверик.

Через десять минут на крыльцо вышла Эухения в пальто и шляпке.

– Дон Горо, я ваш должник! – воскликнул майор, делая знак вознице.

– Через три часа чтоб была дома! Профессор осерчает, если Дженни снова пропадет!

– Конечно-конечно, дон Горо! – капитан Медани подал руку девушке и сам запрыгнул в пролетку.

– Это что ж такое творится в королевстве? – пробормотал дон Горо вслед.

Нет, его участок впереди всей столицы быстро и тихо арестовал злодеев и пособников, ему уже дон Меер прислал благодарность. Только, если б не Эухения и толстая почтовичка, ничего они не обнаружили бы! А так шли по готовому списку и забирали людей. Даже обидно, но другое ведомство ведь.

Почтовые порталы закрыли. Временно. Сказали, что расширяют туннели для более габаритных посылок. Кто бы поверил, но дон Горо воробей стреляный.

Неужто правда проклятия слали, а короля травили? Ужас какой! Дон Горо сделал обережный знак и отправился к себе в участок. Всех начальников и заместителей созывают к обеду на совещание в Управление полиции, авось, что дельное скажут.

Нищий, облюбовавший угол Горчичной и Песчаной, подхватил свою драную шляпу, ссыпал с нее медяки в карман и быстро заковылял прочь. Ему приказали докладывать о чрезвычайном. Толстый пожилой полицейский, шепчущийся в окно с кухаркой, пока его ждет офицер Тайной стражи, это несомненно, чрезвычайное явление.

– Она меня задушит своими руками! Ни за что! – отказалась сразу.

Тщетно дон Меер уверял меня, что вся охрана дворца меня будет охранять. Вон, доохранялись уже, до болота в Луангве. Не хочу! Не буду!

– Донна Эухения! Вас пытались похитить дважды, отравить один раз, расщепить порталом один раз.

– Думаете, надо разнообразить список удушением? Или ударом кинжала?

– Донна Эухения! У ее высочества дипломатический иммунитет! Я просто не имею права спросить, не нанимала ли она наемников-похитителей! Кстати, одного мы уже взяли, благодаря вашей мысленной проекции. И служанку, которая пыталась вас отравить, тоже отловили. У нас сидит.

– Поздравляю, – безразлично отозвалась я.

– Донна Эухения! Она ведь на вашего мужа нацелилась! Раве вам не обидно? Не хочется отомстить? – вкрадчиво спросил дон Меер.

– Не-а. Пусть делают, что хотят. Спят, танцуют, травят друг друга. С радостью разведусь.

– Раз-кха-кха-вод? – закашлялся вдруг дон Меер. Посмотрел изумленно.

Ответила ему спокойным уверенным взглядом.

– Хорошо, – отвел глаза дон Меер. – Но погулять-то вы по дворцу можете?

– Могу, – согласилась я. – А зачем?

– Экскурсантам не показывают всех покоев! Публику вообще пускают только в старое крыло, спальня королевы Феолиль, парадная столовая да кабинет! А как же Малахитовый зал, Стрекозья гостиная, Камышовая галерея, двор Бабочек, Певческая капелла, Соколиный коридор, Морской зал, Яблочный будуар!

– Яблочный? – тяжело вздохнула. Когда я увижу свой яблоневый сад?

– Бронзовые яблони выступают из стен, кованные листики трепещут, а свет играет на золотых яблоках! Там зеленый чапильский длинноворсовый ковер имитирует траву! Это любимое место игр маленьких герцогов Фернана и Рене.

Глава Тайной стражи после вдохновенной речи даже слегка осип.

– Пока она на меня не кинется, вы не можете ей ничего предъявить?

– Даже если кинется, не сможем, – печально уточнил дон Меер. – Но депортировать и отписать о ее поступках, подкрепленных *многочисленными* свидетельскими показаниями, сможем. Ноту протеста заявим. Султан Иссаверней будет крайне разочарован. А когда он разо-

чарован, он запирает провинившихся в сундук и сбрасывает в море или пропасть. Такая у него привычка, знаете ли.

– Я боюсь.

– Донна Эухения! Вашу безопасность будет обеспечивать самый сильный наш сотрудник!

– Не надо самого сильного. – Я задумчиво почесала нос. При дюжем лакее или гвардейце за спиной принцесса, максимум, пошипит. Надо безобидного охранника. – Есть у вас девушки на службе?

Дон Меер зашелся в восторгах. Искренних, надо сказать, потому что в кабинете остро пахло свежескошенным сеном.

Через полчаса передо мной стояла худощавая невысокая женщина под тридцать, в брусничном платье дворцовой горничной. Отлично, слуги для знати вообще не люди, их слова ничто перед словом аристократа. Может сработать.

– Мне к часу надо дома быть, – честно предупредила я.

– Вам в придворное платье переодеться надо! Времени совсем нет! – всплеснула руками лже-горничная Тереза.

Тереза, так Тереза, мне все равно, они сами свои-то подлинные имена помнят? До гардеробной мы мчались галопом, задрав юбки и оскальзываясь на гладких плитках узких служебных коридоров.

Король давно не работал в парадном кабинете, но по пути к нему придворные привычно заполняли Камышовую галерею, названную так из-за позолоченных бордюров, имитирующих стебли камыша. Выше роспись изображала водную гладь, переходящую в небесную синь с пушистыми облачками. По потолку летели искусно нарисованные утки.

Придворные обменивались новостями, заключали пари, договаривались о браках и сделках. Если король пройдет, можно пожелать ему доброго утра, подать прошение, тут не возбранялось напрямую обратиться к монарху. Кого-то король мог сразу пригласить в кабинет и решить наболевший вопрос. Правда, король с весны нездоров, и вряд ли поправится, но привычка – вторая натура, традиции двора соблюдались.

Его высочество Руэн волновался. Обильно потел, хрустел пальцами, дергал манжеты, перекатывался с носка на пятки.

– Вы меня не слушаете, ваше высочество? – его лица коснулся край кружевного веера. Баронесса Дагли, с которой он пару раз провел ночь, широко раскрыла темно-карие глаза, демонстрируя огорчение.

Принц действительно не слышал ее слов. Кто их вообще слушает, этих придворных породистых шлюх! Она получила бриллиантовый браслет, чего еще?

– Слушаю вас, дорогая Луиза, – прохрипел он, вытирая пот с висков.

Резидент сказал ему быть здесь и сразу занять кабинет короля. Там государственная печать, бланки указов.

Он единственный дееспособный родственник, родной племянник короля, кузен принцев. Кому и подхватить упавшее знамя Кэллавейна? Пока наместником, затем монархом. Отец тоже не вечен. Объединить две страны... Фулливейн, например? Принц сладко зажмурился.

Король под утро умер. Но пока новость не облетела дворец, видимо, скрывают, избегают раскола и паники. Ему твердо обещали, что сегодня дядя умрет. Шепнули, что спит. Вечным сном, да. Король был заядлым жаворонком и никогда не спал до восьми!

Принц Ламберт в четыре утра умчался на охоту, там его найдет отравленный болт подкупленного егеря. Принцесса Ульрика от горя пронзит себя кинжалом, она ведь обожает мужа. Тоже отравленным, на всякий случай. Раза три пронзит, для верности. Хватило бы и одного удара, но Руэн настаивал, что надо больше, и не слушал никаких возражений. Бабы, они же, как кошки, живучие!

Принц Даэнир, как всегда, на границе, дорога к трону, таким образом, будет расчищена. Скорей бы!

А после он наматывает на кулак черные волосы этой надменной суки Эллибет и подтянет ее голову к паху. Лицо принца так перекошилось, что баронесса Дагли испуганно охнула и отступила.

– Простите, мой принц, меня зовет муж, – пролепетала баронесса и быстро затерялась в толпе.

Принц не заметил ее ухода, поглощенный Мечтой.

Камилло вертел проволоочную штучку в руках. Серьезным артефакт не выглядел вот совсем. Никак. Стеклянная бусина, веревочка, изогнутая железка, обмотанная медной проволокой. Ерунда какая-то.

– Я думал, боевых артефактов доставят хоть ящик, наши на исходе.

– А ты не думай, за тебя начальство думает, – ехидно отозвался Бум, вытаскивая очередной ящик из пространства. – Цепляй и пошли. Дэн уже на опушке.

Камилло тяжело вздохнул и начал цеплять железки на ремень.

Даэнир вгляделся в сумрак под извитыми ветками. Дон Меер никогда фантазиями не страдал и свое место занимал по праву. Осторожный и внимательный. Теперь же он ссылался на слова Эухении. Боги, что может посоветовать наивная девочка? Предчувствия и женская интуиция не заменят боевого заклинания.

Но дон Меер настаивал опробовать новые артефакты. Что-то подобное они делали на втором курсе. Детская поделка. Ладно, внеочередной рейд его не испугает. Вдруг, что ценное получится добыть.

– Берегись! – Камилло толкнул его в бок, сбивая с тропы.

С дерева спрыгнула змеехырла, обвила парня щупальцами, клубок тел покатился по траве. Даэнир разозлился: кто тут черный маг?! Сколько раз просил не соваться под руки! Преданность прекрасное качество, но надо же головой думать!

– Не стреляйте, заденете! – Даэнир начал плести свето-шумовое заклинание, надеясь отпугнуть тварь. Авань, куртку не прокусила еще.

– А вот щас и попробуем! – Алессио дернул за веревочку смешной артефакт и швырнул его в заросли.

Ни вспышки, ни хлопка. Солдаты тревожно вглядывались в лес, ошестинившись клинками и копьями.

– Не работает бубуйня! Пропал парень! – Десятник выматерился.

Из кустарника раздался стон.

– Что это было, а? – раздался недоуменный голос Камилло.

Жив! Облегчение затопило душу. Все враз выдохнули, как одно целое.

Из высокой травы поднялся Камилло. В одной руке он держал вяло дергающуюся змею, в другой тушку довольно крупного осьминога. Дохлого.

Осьминог в лесу? Глаза бывалых стражников полезли из орбит.

– Выпрямитель же! – Даэнир хлопнул себя по лбу. – Магическое искажение, артефакт разделил противоестественно соединенное! Они во всех лабораториях у первачков стоят!

– Змеехырлы, стало быть, змеюшки с морской тварью? – высунулся Алессио. – Потому и злые такие, что лесное с морским не дружит?

– Брось змеюку, она хоть и стукнутая, вдруг цапнет, – посоветовал десятник.

– Это удав. – Даэнир прищурился. – Зеленый древесный удав. Не ядовитый.

– Он же оранжевый!

– Потому что молоденький еще. Позже позеленеет. Положи его на ветку, Ками, они по земле почти не ползают.

Поднялся гомон. Камилло аккуратно пристроил змею на развилку дерева.

– Слышите? Восмилап ломится! – десятник поднял руку.

В стороне раздался треск. На лицах стражников отразился азарт.

Даэнир подбросил железяку в руке. Это придумала его жена? Откуда ей знать про элементарные магические предохранители?

– Принцесса вышла из своих покоев и идет к Морскому залу, – тихо сказала Тереза, пристраиваясь сзади.

– Тереза, а как вы это узнали? Вы же ни с кем ни словом не обменялись!

Женщина фыркнула.

– Лакей подал условный знак. Их немного, но очень помогает в работе.

Еще бы! Не станешь ведь орать во все горло «Клиент на балконе!».

– Разве у вас нет переговорных устройств? Миниатюрных? Чтоб в ухо вставить, например?

Тереза выпучила глаза.

– Мне о подобном ничего не известно, донна Эухения.

Я удивленно подняла брови.

Дома профессор Ямбир настроил артефакт так, чтоб на кухне слышно было, если он захочет перекусить и закажет еду из лаборатории. И в мою комнату поставил артефакт, связанный с кабинетом. И это не просто труба с воронкой, куда надо кричать, это маленькая коробочка с мембраной. А на кухне коробочка в форме уха. Профессор сказал, что колебания мембраны «ухо» улавливает и передает Ливии. Голос немного искажается, но слышно отлично.

Принцип работы я совершенно не поняла, но если уж профессор смог из ящика, размером с обувную коробку, сделать медальон в треть ладошки, то и «слухача» сделать в форме сережки-клипсы сумеет.

Магистр Ямбир действительно гений!

Этот артефакт он сделал буквально на коленке, торопясь и кое-как, потому что был поглощен совсем другой задачей. А ведь это золотое дно! Это же всем нужно! Не только разведке, но и военным! И целителям, и коммерсантам, чиновникам... простым людям, которые беспокоятся о домашних! Когда в любой момент можешь услышать голос супруга или ребенка... это же бесценное изобретение!

Между тем мы дошли до Морской залы. Я, честно говоря, такого не ожидала.

Понятно, портьеры густой океанической сини, роспись в виде рыб внизу, корабли поверх нарисованной воды, пол из полированного зеленого мрамора. Но вот чего я не ожидала, так это беседки прямо посреди зала. А вместо колонн установлены были толстые стеклянные трубы с водой, где плавно колыхались розовые и фиолетовые медузки, поднимаясь и опускаясь. Воду подсвечивали маленькие маг-камни, закрепленные на верхушках стеклянных колонн.

– Красота какая! – Ахнула я.

Тереза покровительственно улыбнулась. Она гордилась дворцом.

Я прилипла носом к колонне и выпала из реальности на несколько минут. Не сразу поняла, зачем меня дергают за рукав. Нехотя повернулась.

О да, принцесса Эллибет тоже представляла из себя сказочное зрелище!

Сегодня она одела синее платье, облегающее ее фигуру, как перчатка. Длинные узкие рукава, вырез сердечком, волны юбки, расходящиеся от середины бедра. Русалка, нарисованная на одной из панелей, была не столь красива, как она.

Позади семенили, глядя в пол, служанки, а справа и слева шли придворные, стремящиеся вызвать улыбку на устах красавицы.

«Настоящая королева со свитой», – подумала и испытала укол зависти. Бывают же настолько красивые люди! А осанка, а походка! Мне такой не быть, хоть сто лет тренируйся.

– Неужели это принцесса Эухения? Доброе утро! – лизоблюды начали наперебой кланяться.

– Вам нравятся медузы? – спросила я робким голосочком, глядя снизу вверх. Принцесса оказалась выше меня на целую голову. Или у нее настолько высокие каблуки?

– Предпочитаю мурен, – ответила Эллибет, испепеляя меня глазами.

– Они красивые? – я застенчиво поковыряла стекло пальцем.

– Изумительные!

– Такие же красивые, как вы? Знаете, муж говорил мне, что красота часто ослепляет людей, не давая разглядеть безобразное нутро, – доверчивая улыбка и полный восхищения взгляд. Что это на придворных напал приступ кашля? – Я никогда не видела женщин красивее вас!

– Вы хотите меня оскорбить? – Эллибет резко сложила веер.

– Я?! Ой, простите, я что-то не то сказала? Знаете, когда вчера замазываешь на туфлях царапину гуталином, а сегодня попадаешь во дворец, немного сложно привыкнуть. Я так надеялась, что мы сможем подружиться! Вы научите меня? – захлопала глазами.

– Чему?

– Соблазнять мужчин?

На губах Эллибет заиграла ехидная улыбка.

– Боюсь, вам эта наука впрок не пойдет, дорогая Эухения.

– Вы так говорите потому, что мой Даэнир отверг вас?

Это стало последней каплей. Эллибет и так еле держалась. Насмешки и превосходство от той, кого она считала недостойной ей ноги целовать, помutilи разум солнцеликой принцессы. Никто и никогда не осмеливался с ней говорить так! Завизжав, принцесса растопырила пальцы и кинулась на меня.

Придворные ахнули, меня каким-то немыслимым образом развернула Тереза так, что я оказалась за ее спиной и даже за колонной.

– Госпожа! – одна из служанок кинулась в ноги принцессе, повиснув на коленях и не давая сделать шаг.

– Прочь пошла, дура! – сильный пинок отправил служанку в угол зала, где она скорчилась.

– Ваше высочество! – заверещали лизоблюды. Самый смелый или отчаянный попытался заступить ей дорогу. – Придите в себя!

– Прочь! – закричала принцесса, сильно толкнув его в грудь.

– Что здесь происходит? Леди, лорды? – прозвучал вопрос рослого гвардейца.

– Ее высочество Эллибет напала на ее высочество Эухению, – пролепетал придворный.

– Ударил служанку, толкнула дону Стевию.

– Она оскорбила меня! – принцесса отбросила от себя руки второй служанки.

Крики в зале нарастали, придворные набивались в залу, узнать, что произошло мимо их глаз. Замелькали мундиры гвардейцев.

Я прижалась лбом к стеклу. Гадкие ощущения. И мерзко, и противно. Наверное, как та же медуза на вкус. Я ведь не виновата, что Даэнир ее на любит! Добивалась бы его. Зачем было ко мне лезть? Я ей не соперница. Ни по каким параметрам. Ни внешне, ни богатством, ни по образованию, ни по воспитанию, ни по родовистости. Общее одно: женский пол. А, нет, еще магическая бездарность. Хоть тут у меня есть секрет и кое-какое преимущество.

– Я отведу вас к целителю, вы слишком взволнованы, – Тереза взяла меня под руку.

– Нет, к дону Мееру и домой. Время поджигает.

Дон Меер налил мне кофе. Руки слегка тряслись, но дон Меер деликатно этого не заметил. Не каждый день ведешь себя, как последняя сука. От самой себя было противно.

– Поговорим о вашей работе на почте?

О почте? Не о склоке в Морском зале? Инстинкт вопил «Опасность!» и мигал всеми кристаллами. Я скромно сидела на краешке стула кабинета дона Меера. Слова Марка Холли о том, что менталиста может определить другой менталист, прочно сидели в голове. Мне повезло, что дон Меер уже составил обо мне мнение, как о наивной дворяночке, волей случая попавшей во дворец, и больше в голову не лез.

Успех десятого почтового отделения в вычислении преступников я полностью приписала донне Розе. Она опытный сотрудник, она такая проницательная! Да мы даже шутили, что ей нужно частным сыщиком работать. А какая она душевная, отзывчивая! Ну, что бы я там могла понять, без году неделя, без ее неоценимой помощи! Знаете, пожилых дам недооценивают. А они очень внимательные, много повидавшие, в людях разбираются, вот донна Роза и обратила внимание на те адреса. Донна Роза предположила, что это брачный аферист, а оно вон как оказалось, вербовщик и предательницы, пересылающие опасные конверты в разные уголки страны.

Дон Меер улыбался, как кот, попавший в кладовую колбасника.

– Страна вас не забудет!

– Само собой. А что получу лично я?

Дон Меер слегка растерялся. Решил, что мне достаточно морального удовольствия? Нет уж, я девушка прагматичная.

– Украшения? – предположил глава Тайной стражи. – А хотите орден? Вы вполне заслужили! Я с удовольствием напишу представление.

– Я хочу развод. Мне вот это, – сделала широкий жест. – Абсолютно не нужно! После сегодняшнего уверена. Я просто тут не выживу.

– Но, насколько знаю, вы пришли с принцем к соглашению.

Помрачение ума на меня нашло, не иначе, в тот момент. Жадность губит. Обаяние принца Ламберта с ног сбило. Он способен и камень уговорить.

– Пришла. И вышла. Передумала. Эллибет ведь не одна и не единственная, кто с радостью меня зароет. Не хочу вести всю жизнь военные действия.

– Принц вас защитит!

Презрительно фыркнула. Меня четыре раза чуть не убили, не его заслуга, что я жива.

– Орден, кстати, мне действительно не помешает. К нему же идет денежная выплата? Хватит на пять акров земли?

Дон Меер прошелся по кабинету, заложив руки за спину и рассуждая вслух.

– Учитывая, что брак заключен тайно... Совет магов не был уведомлен, Совет министров тоже не в курсе, а разрешение на брак в храме его высочество не испрашивал... Да и не ровня вы принцу, уж извините! Да, брак можно аннулировать.

– Извиняю, – махнула рукой. Что уж там, сама знаю, что не ровня, осталось принца в этом убедить. И очень хорошо, что я до сих пор невинна, лишнее доказательство фиктивности брака. Но это уже, как крайняя мера. – Дон Меер, расскажите про академию? Вы же разобрались там?

Развод не за горами, разрешение посещать лекции вольнослушателем легко выбью из профессора Ямбира. Ротозеи у них там сидят, маразматиками старые. Ведь все заявки и темы работ шли через Ученый совет академии! И ни одна седая задница не связала тварей с разработками природной кафедры Мар Абеши!

Его вообще всерьез ни один академик не принимал! А он проявил невиданное упорство, воображение и талант, между прочим! Не его вина, что ушлые доценты приторговывали подопытными и поставили дело на поток.

Сотрудники дона Меера без труда раскопали истоки этой истории.

За давностью лет, привыкнув к полной безнаказанности, никто из участников не скрывался. Внезапный арест стал неприятной неожиданностью. Они даже возражали, что на территории академии их нельзя арестовывать!

Началось все с жалобы приятеля одного доцента, Хитони. Обидел его сосед. Посадил ряд кипарисов, которые теперь загораживали обиженному солнцу на веранде. А он страшно любил посидеть там, на закат полюбоваться. Доцент и выделил ему пяток огненных крабов из вивария ради научного интереса. Молодой был исследователь, пылкий и любознательный.

Само собой, ни забора, ни деревьев, ни половины соседского дома за ночь не стало. Стогнели. А что не сгорело, крабы клешнями измолотили в труху. Сосед едва успел выскочить с семьей. Крабов удалось поймать и вернуть на место. Какие крабы? Не было крабов! Самовозгорание! Проверьте негодяя на запрещенные артефакты!

Проделка сошла с рук. В существование огненных крабов не поверила даже жена пострадавшего, не говоря уже о полиции и пожарных.

А ведь изначально разрабатывался краб, как средство обогрева, света и живые консервы для исследователей пещер, рудокопов, геологов, лесников и пограничников. Всем хочется свежего и горяченького покушать!

Любитель закатов щедро отблагодарил друга. Один случай, второй, третий. Смекнули магистры, что хорошо можно поживиться, продавая опасных зверюшек любителям экзотики. А что это оказались люди злые и мстительные, случайность. Убежал восмилап, да перевел все стадо на половине пастбища. А на второй половине охрана лучше! Не две собаки, а десять, вовремя тревогу подняли. Повезло.

Шалили бы магистры и дальше, подрабатывая незаконным разведением опасных тварюшек. Но встретился им один фулирский подданный, который обрисовал совершенно другую перспективу. Совсем другой масштаб и последствия. Средствами не обидел. И семьи помог в Фулирию перевезти. Поставили экспериментаторы дело на поток, развернулись и много чего от себя добавить смогли. Например, злобность и агрессивность усилить десятикратно. И размер, но это как раз самое простое было.

Хотел фулирец самого ученого прихватить, но Мар Абеша оказался верным Кэллавейну до мозга костей и переезжать отказался. А что с тех пор у него постоянно опыты не ладились и ни одной стоящей работы не получилось, обычное невезение! По отчетам, мало кто из тварюшек выживал. Чуть ли не стопроцентная летальность. Над ним в академии только ленивый не смеялся. Магистр и не подозревал, что его подчиненные вытворяли.

Считали его менталисты, не виновен маг. Вот вам и черный!

– Гнать их надо, этих олухов из Ученого совета! – высказалась я, выслушав подробный рассказ дон Мееера.

– Так уж гнать? – Прищурился дон Мееер. – Половина заседает в Совете магов. А вы хотели кое-какой документ для себя получить, верно?

Пришлось прикусить язык.

– Но магистру надо помочь. Где гарантия, что новые ассистенты будут добросовестны и верны родине?

– Что вы предлагаете?

– Жените его. Женщина с твердыми принципами не даст ему зарываться и будет выводить на твердую научную тропу. Не позволит обманывать и отбирать достижения. У магистра Ладжой жена практически всю магистерскую написала за него! А у магистра Гуро всю статистическую часть сестра выполнила! Обсчитала, закономерности выявила и подтвердила! Хорошая жена, соратница и друг – половина успеха ученого!

Дон Мееер посмотрел на меня с веселым изумлением.

– Донна Эухения, вы чудо!

– Так что насчет выплат? – комплименты приятны, но финансовая сторона важнее.

Кое-что заговорщикам удалось.

Принца Ламберта привезли с охоты раненого и в беспамятстве. Стреляли трижды, попали дважды. Что не довершил арбалетный болт, должен был довершить яд.

Дон Эстебано промыл раны и залечил их. Но лучше Ламберту не стало. День прошел в тревоге. Король сидел у постели принца и держал сына за руку. Новости? Эллибет? Подите прочь, у него сын умирает!

– Как же так, Эстебан, как же так? – по лицу старого короля текли слезы.

– Не знаю! – буркнул дон Эстебано. Он все сделал правильно, он сильнейший маг жизни в стране. Уже и следа нет от ранений, розовая молодая кожа.

– Эликсир, – прошелестела сиделка, бесшумно ставя поильник на столик.

– Что за эликсир? – вскинулся целитель. – Я не приказывал!

– Ун-ун-универсальный а-а-антидот, – начала заикаться молоденькая сиделка.

– Антидот?! – ахнул целитель. – Да как же!?

– Вон его величеству как полегало, – заморгала сиделка. – Простите, я подумала, что его высочеству тоже поможет!

Король посмотрел круглыми глазами на целителя, а тот на короля.

– Назначения, милочка, делает только целитель! – процедил дон Эстебано.

– Я уберу, – сиделка подхватила посудину.

– Стоять! Оставь это! – Король выхватил поильник из рук отшатнувшейся сиделки. – Скажи-ка, как тебя в голову про яд пришло?

– Так края ран были синеватые, вспухшие, и пахло сильно чесноком! – Отрапортовала сиделка, выпрямившись. – Я предположила мышьяк, ваше величество. Возможно, что-то еще из парализующих, потому что потеря сознания для такой раны не характерна...

– Она предположила! – задохнулся от возмущения целитель.

– погоди, Эстебан. А что надо еще сделать, милая, подскажи, – ласково попросил король.

– Рвотное, очистительное, хвойную ванну, молоко, сырое яйцо и мага воды звать, чтоб кровь почистил!

– А мне тоже надо очистительное?

– И вам не повредит! – последовал быстрый ответ. – Ой, простите!

– Да как ты смеешь королю рекомендации давать?! – завопил целитель.

– Помолчи, Эстебано! – Король прикрыл глаза и прижал руку к неистово заколотившемуся сердцу. – Делай, милая. Все, что сказала. Вытащишь принца, отправлю учиться на целителя.

– Дак дара нет у меня, ваше величество!

– Значит, на лекаря пойдешь учиться. Ножом и руками будешь людей спасать. Травами и артефактами.

– Я?! Да я... счас, ваше величество! – сиделка мышью выскочила за дверь.

Эстебано сидел красный и надутый. Появившийся через четверть часа маг воды подтвердил отравление. И у принца, и у короля. У его величества крохи яда нашлись в язвах на ногах. Целитель их заживлял, но они открывались снова. Сиделка во время обработки язв добавляла ядовитый порошок.

– Я целитель, я лечил, как положено! Закрывал повреждение!

– Следовало иссечь края язвы и тщательно промыть ее, вынести наружу дренаж и заживлять постепенно, изнутри, – погладил бородку лекарь, пользующий во дворце слуг. К его полному удивлению, его пригласили на консилиум, и он изрядно стеснялся маститых одаренных целителей.

– В самом деле, я видел, как целители заживляли раны, не сложив правильно костей, и человек становился навсегда калекой, – важно кивнул маг воды.

За ширмой тошнило принца.

Даэнир шел широкими шагам по дворцу. Что тут могло стрястись за неделю, что он провёл в крепости? Вестников он не получал, потому что не вылезал из леса, а когда вылезал, был не в силах выслушивать всякую чушь. Падал и засыпал.

– Дэн, ты приехал! – Ульрика подскочила и схватила его за руки. – Какое счастье!

Странно, за невесткой такого раньше не водилось.

– Что случилось, Улли?

– Они ругаются, – всхлипнула невестка. – Всю неделю ругаются. Иди, я боюсь заходить. В спальне лежал на подушках Ламберт в бинтах, а в кресле рядом сидел...

– Отец! Ты бледноват, но выглядишь молодцом! – обрадовался Даэнир. Честно говоря, Даэнир опасался, что его призвали проводить отца в последний путь.

– Передумал умирать, – сварливо отозвался отец. – Дэн, не шарашь своей аурой, а то обделаюсь! У меня совсем кишки не держат после всех промываний.

– А ты что? Лоло?

– Ерунда, маленькое покушенище, – улыбнулся брат. – Уже все хорошо.

Покушение? Следующие несколько минут Даэнир выслушивал новости, хмуря брови. Заговор? Обширный и разветвленный? Тварей отправляли во все концы страны почтовыми порталами? Кафедра живой природы столичной академии? Предатели и наймиты Фулирии? Принц Руэн выслан, принцессы Валечиа и Катабии тоже. Персоны нон грата. Его жене орден?

Да он бы и три ей выдал! Артефакт работал, как часы, им удалось за неделю расчистить чуть ли не четверть леса и подойти к заброшенной шахте марилия.

– Даэнир, я тут подумал и решил, что не надо мне становиться королем.

Ламберт смотрел серьезно. И это его легкий, искристый брат? Готовый всегда смеяться и шутить?

– Не гожусь в короли. Дэн, дай мне сказать. – Прервал он возражения жестом. – Я чуть не сдох, братик, и многое понял. Дурак я был. Самое дорогое у меня – это сыновья и Улли, а я ее обижал. Детей неделями не видел. Плевать мне на корону, Дэн. Возьми, – Лоло протянул свиток с печатью.

– Я не разрешаю тебе, мальчишка! – гаркнул король.

Даэнир развернул свиток. Отречение? Брат с ума сошел?

– Лоло, ты поправишься и сменишь решение.

– Нет. Дэн, кому и быть королем, так тебе. Ты серьезный, справедливый, ответственный, ты разбираешься в этих дурацких налогах, законах, ты сильный маг! Намного сильнее меня и отца.

– Спасибо, Лоло, но я черный, ты забыл?

Глаза брата сверкнули.

– Нет, не забыл! Хватит уже делать из тебя чудовище и держать в крепости, как зверя в клетке! Это неправильно! И несправедливо!

– Совет магов никогда не согласится, – хмыкнул Даэнир.

– Совет магов?! Сборище старых безумцев, утвердивших твой развод?!

– Что?

Ламберт закашлялся, а отец вдруг зябко поддернул край мантии и отвел глаза.

– Я не понял?

– Дэн, не дави аурой! – вскрикнул отец. – Я и так едва выжил!

– Они признали твой брак фиктивным и аннулировали его! – Ламберт откинулся на подушку, по его виску поползла капля пота.

– Так, – сказал Даэнир и за его плечами сгустилась тьма, формируя два крыла. Принц завернулся в нее, как в плащ, и исчез.

Из-за балдахина выполз пятилетний Фернан, пробравшийся к отцу в спальню.

– Папа, я описался, – признался он доверчиво.

– Ну и что, сынок, я тоже, – отозвался Ламберт, вытирая пот.

Выставить ее, как попрошайку со двора! Ну, вспыхнула она немножко... Сломала ребро служанке? Это дура сама виновата, пусть падать учится. Однако портал организовали чуть ли не за десять минут и выкинули ее с каретой, со стражей, лошадьми и слугами к границе с Валечиа. Ее, солнцеликую Эллибет!

– О, и вы здесь, – обрадовалась принцесса Стефания, выезжая из портала. – Вы не знаете, что случилось во дворце? Как здорово, что нас подбросили к границе! Думала, придется трястись две недели! Я так по папе соскучилась! Мы до Торита попутчики, потом я сверну к столице, а вы на катабский тракт. Верно?

– Нет! – рявкнула принцесса Эллибет. – Мы же рядом с крепостью Луангва? Мы едем туда!

– Но, – непонимающе захлопала ресничками принцесса Стефания. К ней наклонился сопровождающий и что-то сказал на ухо. – Как знаете, ваше высочество, как вам угодно. Легкой дороги!

Небольшой кортеж валечийки отделился и поехал вперед по дороге. На пограничной башне уже вывесили флаг королевского дома Валечиа. Она скоро будет дома! Принцесса Стефания улыбнулась и прищипорила коня.

– Что встали? До крепости полдня пути!

– Ваше высочество, – Шиньяр встал на колено и опустил голову. – Этот приказ не выполним. Вы персона нон грата, вас не примут в крепости. Мы зря потеряем силы и время.

– Да как ты смеешь?! Пес! – принцесса протянула руку в сторону. Служанка тут же вложила в нее тяжелую плеть. – Как! Ты! Смеешь! Мне! Возражать!

Плеть рассекла кафтан на плече, сбила шапку, чиркнула по скуле.

– Мы на территории Кэллавейна. Здесь рукоприкладство означает конец рабочего контракта. Позвольте пожелать вам всех благ, принцесса.

Шиньяр встал, стер кровь со щеки. Слуга подвел коня. Сотник взлетел на него и свистнул. Взвились клинки из ножен, воины приветствовали своего командира.

– Да как ты... да как вы... – Эллибет топала ногами, кашляя от пыли, поднятой отрядом. Две служанки переглянулись и начали отступать в кусты.

– Как бы нас не сожрали, – поежилась одна.

– Принц Дазнир зачистил лес, до дороги точно, – прошептала вторая. – Тобахон здесь отлично устроилась, и нам место найдется!

Эллибет прокашлялась и потребовала умыться.

– Воды нет, ваше высочество! – доложила Аля.

– Так найди воду! – снова свистнула плетью.

Кусты сомкнулись. Служанки не вернулись ни через полчаса, ни через два часа.

– Сожрали их! Растерзали твари! – поднялся ропот.

Эллибет помотрела в темнеющее небо и прикусила губу.

– Едем! Башни поста Валечиа видно, там найдем ночлег.

– Госпожа! Кто будет править каретой? – спросила старшая.

– В каком смысле?

– Кучера нет. И фореитора. Он отошел в кусты по надобности и не вернулся.

– Что?! Да вы что, сговорились все, что ли?! Предатели, изменники! Всех казню! – принцесса выхватила кинжал.

Вскрикнула, падая, служанка. Остальные ждать не стали, с визгом кинулись в лес.

Никчемные, подлые твари! Эллибет залезла в карету и сердито хлопнула дверцей. У нее есть золото, наймет возницу из проезжающих.

– Глянь-ка, Шин, запряженная карета, а людей нет! – раздался голос.

– А в карете есть добро? – дверь распахнулась. Внутрь заглянул лысый здоровяк.

Принцесса отмахнулась кинжалом.

– Какая сердитая! – восхитился лысый, ловко перехватывая запястье принцессы и вынимая оружие из сведенных пальцев

– Вы не смеете меня трогать! Я принцесса Катабии! – крикнула Эллибет.

– Ух ты, принцесс у меня еще не было! Интересно, у них между ног то же, что и у остальных, или разница есть?

Снаружи загоготали. Принцесса заверещала, но ее вытащили из кареты, как редиску с грядки.

Небольшая шайка контрабандистов, прослышав, что Чародейный лес зачищен, решила проведать старые тропки и займки. И никак не рассчитывала на такую удачу. Золоченая карета, роскошные кони и живой приз внутри.

– Сама разденешься? – горячее дыхание пошевелило волосы на затылке.

– Я принцесса! – топнула ногой Эллибет, уже отчетливо понимая, что уважать и преклоняться злодеи вряд ли станут.

– Ну нет, так нет. – Сверкнул нож, шнуровка разлетелась в стороны обрывками лент. Платье, гадское платье по кэллавейской моде соскользнуло с плеч. Эллибет взвизгнула, прижимая его к груди и попяtilась.

– Шин, вытаскивай подушки, нельзя валять принцессу по сырой земле! – распорядился главарь. Остальные угодливо заржали.

– Мой отец заплатит любой выкуп!

– Пф-ф, тащиться в Катабию с риском лишиться головы? Ты выкупишь свою жизнь здесь и сейчас, красotka!

Треснула ткань, платье окончательно слетело с тела Эллибет. Бандиты издали восторженные вопли, хлопая друг друга по плечам.

– Впервые вижу такую крало! – выдохнул Шин, подручный главы. Штаны чуть не трескались, естество яростно требовало совокупления, но надо было ждать, пока главарь первым распечатает сюрприз.

– Как чуял, что понадобится! – тающим, нежным голосом сказал Греф, доставая из сумки кляп с отверстием.

Визг принцессы донесся до наливающихся свинцовой тяжестью облаков. Визг сменился стонами и хныканьем. Распаленных похотью бандитов не остановил даже начавшийся дождь.

– О-о-о, – застонал главарь, выпуская белесую струю на грудь Эллибет. – В жизни так смачно не вставлял! Так, заканчивайте тут, ребята. Кто отстрелялся, выпрягайте лошадей, снимайте сундуки и ходу!

Ребята добавили темпа, оставляя на нежной коже Эллибет россыпь ссадин и синяков. Один вколачивался сзади, второй жестко дергал ее голову возле паха.

– Прирезать девку, хозяин? – спросил могучий бандит, завязывая штаны. – Совсем квелия что-то стала.

– Все бы тебе резать! Дашь по морде, оживет! Заверните девку в плащ, тащите на заимку!

Магистр Ямбир вернулся из академии мрачнее тучи. Обычно таким он был после кафедральных совещаний, когда на него навешивали очередную группу двоечников и лентяев. Но собрание было три дня назад, кажется, профессор тогда отбился?

Лу скользила по дому тише мыши, я, сидя за конторкой, боялась дышать.

– Дженни, почта! – рявкнул магистр.

Я живо подхватила стопку корреспонденции и донесла до стола магистра. Одно тяжелое письмо в толстом желтоватом конверте отличалось красной сургучной блямбой с гербом. Из дворца. Скорее всего, это было приглашение на прием по поводу разоблачения заговора. Король лично будет награждать отличившихся. Зная, как ненавидит магистр пафосные придворные мероприятия, ожидалась грозу с молнией.

Тем не менее, артефакты магистра сыграли огромную роль в очистке леса. Все газеты были полны хвалебных статей, безжалостно перевирающих название прибора. Вычислитель, сотворитель, где-то его называли даже утилизатором заклятий. Какой-то листок запечатлел магистра с железякой в руке. Присмотревшись, я узнала отвертку. Должно быть, репортеры подловили магистра, когда он вышел на крыльцо подкрутить винт дверной ручки.

Как мне шепнули лаборанты на кафедре, магистру предложили место декана всего факультета артефакторов, а он с негодованием отказался. Наоборот, затопал ногами и завопил, что совсем уйдет, если ему еще всунут хоть одну группу прикладников в расписание! У него и так ни на что времени не хватает! А вот коллеги Хитони, Гуро и Ладжой страдают от избытков лишнего времени, если посещают поздравительные мероприятия в ратуше и успевают давать

пространные интервью. Разгорелся некрасивый скандал, который пришлось регулировать ректору самолично.

– Магистр, что-то случилось? – осмелилась спросить, заметив, как разгладилась морщинка между бровей хозяина.

– Они хотят уволить Мар Абеша, – буркнул он. – Под предлогом опасности его экспериментов. Ну, и что черный, вспомнили.

– Но ведь он не виноват!

– Выслужиться хотят. Сами проморгали, теперь зад припекает от усердия.

– А вы что?

– А я предложил ему дать звание архимагистра и степень профессора за многолетний бескорыстный труд. На самом деле, у него много полезных разработок, – чуть смущенно признался магистр. Он сам был фанатично предан науке и уважал чужой талант и страсть к исследованиям.

– А они?

– Предложили дать степень архимага мне.

– Это же хорошо? – осторожно уточнила я.

– Да ни иглохвоста хорошего! Придется ходить на заседания Совета магов, слушать там всякую чушь часами! Я отказался. Меня обвинили в снобизме и высокомерии. Переругался со всеми в академии. С Ученым советом, с ректором, с деканами, нашим и с природного.

– И что?

Магистр щелчком отправил ко мне конверт. Я с любопытством вытащила сиреневую карточку. Приглашение на прием, как я и угадала. На два лица, о! И лист плотной бумаги, мелко исписанный каллиграфическим почерком.

– Вам предлагают собственную лабораторию при Тайной службе? Это же прекрасно! Никаких студентов, никаких лекций, сплошные исследования!

– Так-то оно так... – вздохнул магистр. – И условия хорошие. Заставят клепать какую-нибудь дрянь.

– Но тут же написано, что темы исследований и сметы утверждаете лично вы! Вы будете оказывать Тайной службе только консультационную помощь! «Какую-нибудь дрянь» найдется, кому клепать! А вы будете творить! Кстати, магистр, почему вы до сих пор не сделали чертеж «слухача»?

Профессор покраснел, как мальчишка.

– Да это никому не нужна безделка, – промямил он.

Я прищурилась.

– У меня юрист патентного бюро требует полный пакет документов. Я уже почти все оформила! Осталось вложить чертеж! Новинкой уже заинтересовались, а вы ленитесь!

– Кто? Кто заинтересовался? – подпрыгнул магистр, вытаращив глаза.

– Лично дон Меер! – отчеканила я. Да стоило мне только заикнуться об изобретении, дон Меер все бюро на уши поднял, с магистра только осталось стрясти чертежи и расписаться в паре мест. – Корона уже договор о покупке патента подготовила! Мешок золота приготовили уже.

– У меня не ассистент, а шантажистка! – простонал профессор.

– Это еще что, – протянула я зловеще. – Не сделаете чертеж, скажу Ливии, что вы не хотите капусты! Она ее в мусорку выкинет!

Я внимательно следила, чтоб не переборщить, но мне показалось, что магистра забавляет, когда ему возражают и немножко, самую капельку подшучивают. Зашуганная тень, крадущаяся по дому, его раздражала.

Конечно, ничего я говорить Ливии не собиралась, но капуста – это аргумент при любом научном споре.

Я тут же выложила на столе прекрасный лист асмора¹, лекала, линейки и набор идеально заточенных карандашей. Многозначительно поиграла бровями, дождалась жизнеутверждающего смешка и вышла из кабинета.

Уф!

– Да как же я?! – покраснела донна Роза, когда я сунула в почтовое окошечко приглашение на прием во дворец.

– Донна Роза, вы так следствию помогли! Вас король лично наградить хочет!

Донна Роза слабо ахнула и откинулась на спинку стула, часто обмахиваясь чьим-то письмом.

– Да я же... толстая! – прошептала она. – Мне и надеть нечего!

– Донна Роза, вас же не на бал зовут. На малый прием. Там будут только те, кто в расследовании принимал участие. Думаете, королю ваше платье важно? Там подарки будут, небольшой фуршет, наградят вас и поедете домой. Магистру Ямбиру ехать не с кем, – прошептала тоном заговорщицы. – Без спутницы нестарому мужчине неприлично появляться. Он попросил найти симпатичную серьезную даму, которая не стала бы питать ненужных планов! А вы и сами в расследовании участвовали, и замужем давно, кому идти, как не вам!

– А ты что же?

– Да вы сравните себя и меня! Меня с профессором и не заметят, подумают, кусок грязи к обуви прилип! Или еще хуже, за молоденькую любовницу примут! Нет, донна Роза, вот как хотите, а магистр за вами заедет послезавтра, в три часа дня!

– А я же на работе буду...

– Езжайте, донна Роза! Езжайте! – В один голос воскликнули дон Ливано и дон Кулас, открыто наслаждающиеся этой сценой.

Нет, профессор хотел взять меня, но я решительно отказалась. Меня во дворец пряниками не заманишь. Даже брускеттой с авокадо и красной икрой! Если уж какой-то дон Хитони позирует в журнале и дает интервью, имея самое смутное представление о событиях, так донна Роза заслужила праздник целиком и полностью. Будет у нас на почте своя легенда. Внукам будет рассказывать, как была на приеме у короля.

Кстати, преемник дона Холли, сменивший его на посту, отменил последний циркуляр о пяти единицах магии.

Растрепанный парнишка, работающий теперь сортировщиком, вернулся к работе. Сунулась было обратно донна Марика, узнавшая новости, но ее у крыльца подхватили двое агентов и повели напрямик в участок. Оказалось, что злилась она на меня за то, что я сидела безвылазно в сортировочной и мешала ей закидывать в почтовый портал непроверенные пакеты. Ей сдельно платили за каждый.

Меня же профессор отпустил на три дня, чтоб я могла съездить домой, в Аноа-Коэс. Поверенный от дона Чама прислал письмо, от которого у меня волосы чуть дыбом не встали.

Мошенник-управляющий сдал сады какому-то проходимцу, сам же вольготно жил с семьей в нашем родовом доме, рассудив, что домик в деревне – это неплохо, но родовое поместье намного солиднее. Он и представлялся везде владельцем Нейл-Кастла, и денег требовал постоянно, тратя доход с аренды на образ жизни сельского аристократа.

Явившийся из столицы строитель его немало удивил, но хитрован смекнул: раз у хозяйки появились деньги, можно раскрутить глупую девчонку на серьезный ремонт. Приезд вездливого поверенного эти планы моментально разрушил. Поверенный решительно выкинул семью

¹ Ватман – фамилия фабриканта, (Джеймс Уатмен) выпустившего листы для черчения в 1750 году. Для русскоязычных стало нарицательным для бумаги больших форматов. В этом мире другой производитель.

мошенника из особняка, а его самого пришлось подать в розыск, потому что он сбежал, прихватив все деньги.

Голова шла кругом, но ехать требовалось немедленно, потому что поместье могли продать с торгов. Последние годы мошенник не довольствовался арендной платой, а набрал займов у разных лиц и банков, закладывал и презаклаживал дом и сад, не собираясь ничего отдавать. Налогов не платил как минимум несколько лет, поэтому и замаячила аукционная продажа.

Письмо поверенному отправила почтовым порталом, он его получит через час. Денег с меня не взяли, вытолкали из десятки с напутственными словами и добрыми пожеланиями.

Поэтому после почты сразу побежала на вокзал, надеясь успеть на экспресс до Колеана. Через три часа сойду в Брамбурре и останется всего-то доехать в Аноа-Коэс, а там Нейл-Кастл в полчасе езды. В шесть-семь вечера буду там.

Меня потряхивало от волнения всю дорогу, я не могла сосредоточиться ни на журнале, ни на вязании. Даже красивые виды, пролетающие мимо окон, проходили мимо моего сознания. Мои сады, мои яблони! Я чуть ли не стонала вслух, и нервно покусывала пальцы.

– Девушка, да не волнитесь, женится он на вас! – не выдержала соседка по купе, благообразная старушка в очках.

– Что? – Не поняла я.

– Вы же переживаете, как он воспримет новость о ребеночке? – Она посмотрела взором опытного хитровника. Или следователя по особо важным делам.

Я нервно рассмеялась.

– Какой у вас срок?

Полгода у дяди с тетей, три месяца на почте, месяц у профессора...

– Девять месяцев уже! – ответила, добросовестно подсчитав. А до этого десять лет в монастыре. Меня никто и не помнит в Нейл-Аусе.

Старушка посмотрела на мою талию, затем добродушно рассмеялась.

– Так вы уже родили малыша! А что же так долго тянули? Не волнуйтесь, он его примет!

– Конечно, примет, я письмо послала. У меня раньше совсем денег не было, я бы столько не тянула, – вздохнула с горьким привкусом жженой апельсиновой корки внутри.

– Все образуется, дорогая. Так или иначе, но все образуется.

– Лучше бы так, а не иначе.

Даэнир поднялся на возвышение и посмотрел на Совет магов. Когда были маленькие, они с Ламбертом несколько раз слушали заседания с галереи. Там есть закрытые ложи на такой случай, для членов королевской семьи. Маги казались такими важными и могучими! И обсуждали они ужасно важные и сложные проблемы. Лоло начинал зевать через десять минут.

Теперь Даэнир перебирал лица архимагов и удивлялся, как они могли казаться ему значительными людьми?

Видно же, что вот этого ничего не интересует, кроме собственного величия. Этот, брезгливо поджимающий губы, ненавидит окружающих. Этот смотрит с откровенным страхом. Те трое – с недоумением. Осталось только крикнуть: «Кто его сюда пустил?», этот вопрос явно написан на лицах. Красивая магичка смотрит с интересом. Откровенным и плотоядным.

– Начнем! – голос Даэнира раскатился по залу.

Самый важный поднялся и оперся пальцами о столешницу.

– Как председательствующий Совета магов, позволю себе задать вопрос, ваше высочество. Что вы здесь делаете? Регламент Совета не предполагает наличия посторонних лиц на собрании.

– Присутствую от королевской семьи, – лениво отозвался Даэнир. – И буду присутствовать впредь, поскольку отца тошнит от ваших напыщенных рож, а Ламберт подписал отречение в мою пользу.

– Он не имел права! – выкрикнул кто-то.

– А у меня тоже имеется вопрос, господа. Как вы посмели аннулировать мой брак? Лезть в мою семью? Кто *вам* дал такое право?

– Ваша женитьба – дело государственной важности. Мы посоветовались и выбрали для вас Эллибет Катабскую, прекрасную девушку...

– Отец которой щедро оплатил ваши голоса, – перебил председателя Даэнир.

– Но почему вы против? – спросил самый нервный. – Эллибет красавица! Ваша... избранница не выдерживала никакой критики! Более того, она сама просила развод, и ни один член совета не счел нужным ее отговаривать. Зачем девушке черный маг? Это же тупик! Крест на будущем!

– Тупик, – повторил Даэнир. – Вот как!

– Она найдет себе нового мужа, возможно, даже мага, а Кэллавейн примет предложение брака от Катабии. Мы так решили единогласно и это решение донесем до ушей его величества.

– И Кэллавейн отдаст Катабии Барбанус, с выходом к Сингайскому морю, – чуть прикрыл глаза Даэнир.

– Ну, так что же? Это адекватная цена за девушку султанской крови!

– Нет, это неадекватная цена! Вы забыли, что такое электриум? Марилий?

– Его месторождение давно истощено, а шахты завалены, чтобы не проникли твари. – Пробубнил седой архимаг.

– Пока я пятнадцать лет прикрывал ваши задницы от тварей, вы здесь делили Кэллавейн? Нахуд Фулирии, Опусу Валечии, а мне змею в постель?

– Ваши слова оскорбительны, а поведение неуместно!

– А для меня оскорбительно, что вы и ваши коллеги в Ученом совете академии проморгали угрозу! Упустили заговор, не заметили, что короля травят!

– Совет магов занимается проблемами только магического сообщества!

– И как же вы ими занимаетесь? Делите теплые места в департаментах? Искажение Мар Абеши кто допустил?

– Мар Абеши больше не работает в академии. Мы приняли меры! Ни одна кафедра живой природы его не примет на службу. Мы разослали циркуляры в все академии магии, наши и зарубежные.

– М-м-м, за ваше собственное бездействие и разгильдяйство вы изгнали настоящего ученого? Оправданного тайной службой? Вы, архимаг, скажите, когда вы придумали что-то более ценное, чем зажимы для шнурков?

– Я администратор, – обидчиво возразил председатель. – И отлично справляюсь с управлением и отчетностью!

– То есть, как ученый, вы кастрат?

– Я попросил бы!

– Мне надоело. – Даэнир поднялся. – Я убедился в том, что Совет магов в нынешнем его составе – жалкое сборище карьеристов и выскочек, алчных дельцов и бесталанных ничтожеств. Напоминаю, что Совет магов создавался, как совещательный орган при монархе-маге. Вы утратили доверие, поэтому я распускаю совет своей волей. Как наследник и будущий король Кэллавейна.

Возмущенные крики смолкли в черном ледяном тумане, заполнившем зал. Кашляя и отмахиваясь, члены Совета магов побежали из зала.

Десятник Бурун ехал по чужому городу и дивился про себя.

Окон так много! А у них внешние стены всегда глухие. Только ворота и калитки, окна никогда не выходят на улицу. И крыши смешные, островерхие! Словно вызов создателю. Но здесь ночами не спят на крышах из-за жары. Это для того, чтоб мелкая белая крупа скатывалась вниз. Говорят, тут зимой такая падает прямо с неба. Она сладкая или соленая? Этого ему не объяснили, сказали, сам все увидит очень скоро.

Тобахон, звездочка моя, что с тобой сделали иноверцы? В Катабии и разговора не было бы, веревка или рабский рынок. Но в крепости сказали, что с Хон все в порядке.

Как вытянулось лицо коменданта Ярве, когда сотник привел свой отряд! Но радости было больше. Защитников не хватало. Их всегда не хватало.

Уговор Шинъяр сказал при всех: три монеты серебром каждому в неделю и не заставлять веру менять. Половину сотни после ужина сразу отправили патрулировать опушку леса: очень много развелось охотников там побывать, как прослышали, что принц Даэнир его почистил. Людей не пускать в лес, тварей не пускать из леса!

Все были довольны. Никто не роптал и не желал вернуться служить принцессе. Сотня была личной, из родственников и друзей Шинъяра, его решение никто не оспаривал. После дежурства десятник отпросился в Опусу.

Кажется, здесь. Маленький домик на углу с синими наличниками.

Спешившись, Бурун ощутил вдруг слабость в ногах и привалился к стене, пережидая дурноту.

Хотел ехать ночью, но Гюлин и Лейсан со смехом отговорили, сказали, что ночной визит стражи напугает горожан. Да и ворота с темнотой в Опусе всегда закрывают.

Тонкий голосок за забором выводил незамысловатую песенку.

Седце стукнуло и забилося часто-часто. Раньше он не слышал, чтоб Тобахон пела. Она была тихой, незаметной, безмолвной. Как во сне, Бурун открыл калитку и вошел во двор. Тобахон чистила фасоль, сидя на крыльце. Перед ней стоял мешок фасоли и таз, куда девушка бросала крупные красные бобы.

– Де... «девочка моя», – хотел сказать Бурун, но горло перехватило.

Тобахон увидела, ойкнула, слетела с крыльца и опустилась на колени. Коснулась лбом травы.

– Господин, вы спасли мне жизнь! Она принадлежит вам!

– Что ты, что ты, встань! – Десятник вдруг испугался. Что, если кроме благодарности, она ничего к нему не испытывает? – Тебя не обижают здесь?

Тобахон рассмеялась. Во дворце она не была такой веселой, такой светящейся. Бурун не мог налюбоваться, у него дыхание перехватывало от каждого движения легкой, как птичка, девушки.

– Прошу в дом, мой господин. Чайник вот-вот закипит. И пирожки есть, с ливером! Я делаю прически, варю бальзамы и притирания для волос, местные женщины уже их оценили! Я ем досыта каждый день! Почти набрала денег на козу!

Бурун отцепил кошелек и вложил его в тонкую руку.

– Купи себе хоть целое стадо коз, Тобахон! Ты выйдешь за меня?

– Ой, – сказала девушка. Ее глаза стали большими-большими.

– Я, конечно, тебе не подхожу, слишком стар, – Бурун опустил плечи. Он в два раза старше девушки, о чем он только думал! Вдовец. И дома у него нет, сабля и конь... Глупец он, глупец! Разве можно привязать к себе солнечный лучик? Сжать в руках ветер?

– Мой господин, – голос девушки дрогнул, она быстро вытерла слезинку. – Вы самый добрый и щедрый человек на земле. А... какой по счету я буду женой вам?

– Единственной! Единственной и самой любимой! – Бурун подхватил ладонями девушку за талию и закурил. Она взвизгнула и засмеялась.

Когда они уже сидели рядышком за столом и пили чай, Тобахон вдруг нахмурилась.

– Кто же заключит наш брак, господин мой? В здешнем храме мы чужие.

– Пусть это не тревожит мою звездочку. Комендант дон Ярве запишет нас в книгу крепости, это будет законно. А клятвы дадим друг другу над священной реликвией, у Шинъяра есть, он станет свидетелем.

– Хорошо, – счастливо выдохнула Тобахон, прислоняясь головой к крепкому плечу.

– А я говорю, только тут можно пролезть! Всю опушку перекрыли, и откуда только взялись! – Том, сердито ворча, начал спускаться в овраг, хватаясь за корни деревьев.

Овраг этот, длинный и узкий, языком вдавался в Чародейный лес и густо зарос высокими папоротниками.

Мик боязливо мялся наверху.

– Ну, чего ты?

– А если змеехырла? – всхлипнул он.

– Днем они не нападают, эх ты, слизень! Сам сказал, мамке лекарство надо!

– Надо, – Мик вытер нос рукавом и начал спуск по скользкому откосу. Где на корточках, где на ягодицах. Все штаны в глине будут, да ладно. Высохнет, само отвалится.

Том бодро шуршал впереди, Мик никак не мог его догнать и страшно нервничал, вдруг это не друг, а королап шуршит в зарослях?

– Том! – жалобно крикнул он. Вышло совсем пискляво и по-детски. А он мужик! Ему уже восемь! Тому не страшно, ему почти двенадцать. Он уже шесть винтокрылов добыл из самой обычной рогатки. Настоящий охотник!

– Тихо ты! – шикнул Том, появляясь неожиданно сзади и зажимая ему рот. – Не ори! Тут хижина проходная, мало ли кто окажется.

– Том, а Том, почему проходная?

– Потому что охотники мимо проходят, как за тварями идут. Только ночуют, если ночь застала или непогода. Там еда есть, нары, очаг...

– Том, а Том, там кто-то есть!

- Не глухой, лошади ржут. Им в лесу плохо. Сиди тут, я погляжу.
 - Я с тобой! – вцепился в рубашку товарища Мик.
 - Да отцепись ты! Чтоб не звука! Обое засыпемся! – Серdito цыкнул Том.
- Густой подлесок позволил подползти к хижине.

Четверо мужиков на поляне играли в непонятную игру, перебрасывая друг другу голую женщину. Она повисала, как тряпка, падала, ее тискали и дергали за ноги. Почему-то у всех игроков были спущены штаны.

- Том, а Том! – не выдержал Мик и тут же получил по затылку так, что ткнулся носом в мох и набрал полный рот земли.
- Живо в овраг! – прошипел Том и кубарем скатился в папоротники.
- Том! А что они делали? – все оглядывался Мик.
- Заткнись! Никакие это не охотники! Кони краденые, на пополах золотое шитье. Сундуки дорогие стоят. Это или разбойники, или контрабандисты.
- Как дядя Лео? – обрадовался Мик. Дядя Лео добрый, обещал его на промысел взять, как подрастет. – А чего мы тогда бежим?
- Хочешь на ее место? – Том выглядел так страшно и непонятно, что Мик заплакал. – Беги шибче, шусенок!

К ужасу Мика, едва выбравшись из оврага, Том побежал прямо к силуэтам всадников. Машет руками, рассказывает что-то. Вон трое даже спешили, разговаривают с ним, как с большим. Никто даже за ухо не схватил. Мику стало обидно, он то же самое видел! И тоже в лес идти не побоялся!

- Беги домой, Мик! – Том посмотрел свысока. Ага, его аж на седло взял один из всадников.
- А ушуйник как же? – Скривил рот скобкой Мик, умирая от зависти. Он тоже хочет прокатиться на лошади! Они же за травой пошли! Мамка кашляет, все знают, лучше ушуйника средства нет. Найти его осенью было маловероятно, но Мик надеялся.

– Будет вам трава, – с легким акцентом сказал воин, появляясь из-за плеча Мика, подхватывая его на руки и сажая в седло. – Всю выкосим!

Ничего плохого им не сделали, хоть Мик и побаивался поначалу смуглых всадников. Привезли в крепость, расспросили еще раз, сытно накормили и даже отвезли прямо до дома.

За пазухой Мик бережно придерживал флакон синего стекла. Целитель в крепости дал. «Грудной эликсир» называется лекарство. Это же лучше, чем трава? Ругать, значит, дома не должны. Он сам добыл!

Что такое коронация? Это блеск, это свет, это цветочные гирлянды и фейерверк, это праздничные толпы, заполняющие улицы... Церемониймейстер дон Даэро за голову схватился.

Ну, какая коронация за неделю? Месяц надо на подготовку! А лучше – три! Нет, всех благ его величеству Роланду, решил при жизни оставить трон сыну – его право! Но надо же все сделать по протоколу! Церемониал соблюсти! Гостей пригласить! Пир, программа увеселений, места в храме предусмотреть для очень знатных, для не слишком знатных, чернь тоже впустить придется на площадь, слухи кому-то надо разносить...

– Какие тебе знатные гости, гнойный ты прыщ!? – его высочество Ламберт швырнул в негодея подушкой. – Мало они у нас напакостили? До сих пор разгребаем!

– Благодарю вас, ваше высочество, – поклонился царедворец, крепко прижимая подушку локтем к боку. Он эту подушку беречь пуще глаза будет и внукам передаст. Трофей! Лично из рук будущего короля! А что по физиономии, так это мелочи. Не больно ни чуточки.

– Через неделю чтоб все было готово. Ничего особенного не нужно, мы с моими именными и так знатно покутили, хватит казну разбазаривать, – приказал принц Ламберт, а сидящая рядом принцесса Ульрика согласно кивнула.

Придворному захотелось протереть глаза. Это тот самый принц, который никогда не считал, сколько стоят его фанаберии? Который певице в Опере корзину кованых золотых роз преподнес? А любовнице – четверку упряжных кремовых лошадей, пристроив на лоб каждой цепочку с изумрудом величиной с лесной орех?

Столичные дамы тут же перестали носить фероньерки², не желая уподобляться лошадям. Гильдия ювелиров была крайне недовольна.

Вышел церемониймейстер из покоев принца, будто в тумане.

– Ваша милость, вы мне дверь загораживаете! – привел его в чувство недовольный оклик.

Дон Эстебано знатно оскандалился, потому и злой, как шершень, летал по дворцу, норовя найти жертву для нагоняя.

Одно решение, чтоб короля, принцев и маленьких герцогов ежедневно осматривал еще и лекарь, выводило его из себя! Он одаренный целитель! Он маг жизни! А какой-то коновал ему будет указывать, что делать! Или косорукая девчонка, у которой молоко на губах не обсохло! Нет, он сразу сказал, что если корона в его услугах не нуждается, он покинет двор. У него славное поместье в Лундази, а люди везде болеют!

Однако посвежевший и набравший силу король пригласил целителя в кабинет и так оттянул его за чванство и высокомерие, что до сих пор икалось. И отставки не принял. Пришлось работать, хотя даже мальчишки-пажи зубы скалили вслед.

– Прошу, милорд, прошу, – церемониймейстер поспешно отошел от двери. Все же с целителем ссориться не следовало. Он ведь может и на другие методы лечения перейти. Негуманные. Как лекари. У них вообще все методы негуманные.

– Ваша рука в полном порядке, ваше высочество, – сообщил после осмотра дон Эстебан. – Буквально через пару дней можно будет снять повязку и не использовать больше поддержку.

– У-у-у! Надоела эта удавка! – принц дернул платок, в котором лежала раненая конечность. – Я рисовать хочу!

– Мелкая моторика восстановится не сразу, нужно немного подождать!

– Не капризничай, Лоло, пара дней ничего не решит! – Ульрика ласково посмотрела на супруга. – Я буду за тобой ухаживать!

– Я за пару дней твой портрет напишу! – канючил принц.

Дон Эстебан бросил беглый взгляд на принцессу и довольно улыбнулся. Отольются кошке мышкены слезки!

– Не спорьте с ее высочеством, она в ожидании! – строго сказал целитель. – И если желает за вами ухаживать, отказать ей нельзя!

Принцесса ахнула, прижала ладошки к заалевшим щекам.

– Улечка! Да я! Для тебя! Да я всю неделю тогда лежать буду! – выпалил принц. Глаза у него были, как у кота, застигнутого хозяйкой над башмаками гостя: большие и круглые.

– Поздравляю ваши высочества с прелестной девочкой, – давя усмешку, поклонился целитель. Пусть какой-нибудь жалкий лекарь попробует установить крошечный срок в две недели и пол ребенка! А он может!

Поверенный, встретивший меня, отказался что-либо объяснять, прежде чем я поужинаю и отдохну.

Я ходила по дому и не узнавала его. Все чужое!

Другая мебель, обивка стен, другие запахи. Слишком долго в нем жили посторонние люди. Он перестал быть родным домом моего детства.

² Фероньерка – налобное украшение, цепочка или обруч с розеткой, жемчужиной или драгоценным камнем. См. портрет Н.Н. Гончаровой работы Брюллова.

Бархатные синие портьеры в проемах с бахромой шариками заменены на пошлые стеклянные бусы, вместо полосатых домотканых дорожек лежали циновки, а вместо тяжелых окоченных сундуков, в которых я обожала в детстве прятаться, в гардеробной стояли розовые шкафы с зеркалами.

В расстроенных чувствах вышла в сад.

Яблони потирали коченеющие ветки друг о друга. Наступающая зима давала о себе знать холодным ветром. На отцовской делянке росли самые интересные яблони. К одной он привил пять разных сортов. В начале июня первыми давала плоды белая ранетка, с тонкой кожицей, но карамельно-сладкая внутри. Затем вызревали полосатые кисло-сладкие яблоки, затем рыхлые зеленые, их пекла кухарка в духовке к каждому полднику. За ними следовали желтые, вытянутые, как груши, и самые поздние темно-красные, с литой жесткой кожей, прекрасно сохраняющиеся всю зиму.

В кладовой у нас всегда пахло яблоками.

Отец не обладал никакой магией, но обожал наш сад и проводил в нем все время, прививая, обрезая, поливая и удобряя. Если бы у него был дар, он бы вывел миллион новых сортов, за черенками приезжали бы со всего Кэллавейна. Мама больше занималась цветами. Флоксами, георгинами.

После скромного ужина я заняла отцовский кабинет. Это его письменный прибор. Хотя что-то осталось от папы.

Обмакнула перо и начала рисовать цветочки. Где взять денег? Деньги есть у людей, но чтоб они их принесли, нужно что-то интересное. Вместо сада мысли скакнули к пограничной крепости. Опуса и крепость Луангва. Туда вряд ли кто поедет по своей воле, слишком далеко. А вот из Валечиа близко. Перо заскользило по бумаге, составляя план.

Принять группу путешественников, показать крепость. Вывести потайным ходом (тщательно проверенным) к Чародейному лесу. Провести по настилу над болотом. Там еще долго будет резвиться некрупная нечисть, не представляющая большой опасности. Ха! Не настил! Стекланный мост! Круг по лесу, построить там какие-нибудь хижины. Устроить обед прямо в лесу у костра. И дать пару часов на самостоятельный сбор редких ингредиентов. Много не соберут, но какие-нибудь шишки и камушки, панцири улиток можно рассыпать заранее в качестве сувениров. Чтоб далеко не лазили, поставить чучела восьмилепов в отдалении и сторожевые артефакты.

Валечийцы слывут легкими на подъем и любопытными путешественниками. Ночевка в крепости и посещение ярмарки в Опусе. Если сделать ярмарку постоянной, то туда не только местные фермеры, зеваки и ротозеи будут подтягиваться, но и серьезные купцы. Приезжают же скупщики за клыками и когтями, шкурами тварей, редкими травами?

Все равно Даэнир меня не простит. Ни за что не простит. Но сделать из его крепости популярное место, приносящее стабильный доход, вполне можно. Затраты небольшие, а выгода может быть очень неплохой.

Покосилась на свое голое запястье. Брачный браслет снял придворный маг, и я не хотела думать, что с ним за это сделает Даэнир.

Дон Меер принес мне заполненное свидетельство о разводе и сказал, что это было совсем не трудно. А проводить ритуалы – обязанность придворного мага. Раз я больше не жена, права носить брачный браслет не имею, магия не станет противиться. Да там и магии была капля, не больше. Браслет унесли в сокровищницу, к фамильным реликвиям.

К медали «За вклад в процветание Кэллавейна» шло денежное вознаграждение, тысяча далеров. Огромная сумма. К тому же из тех четыреста пятидесяти я потратила всего около сотни. Я же считалась три месяца женой. Вот и взяла причитающиеся мне деньги; лишнего не надо, а свое возьму. Имея на руках почти полторы тысячи далеров, я была уверена, что

смогу решить все проблемы. За эти деньги можно купить доходное поместье под столицей, а не особняк с садом в провинции.

– Дон Стефан, понимаю, вы не хотите меня огорчать, но в двух словах, какое у меня положение?

– В двух словах? Все плохо. Идите спать, донна Эухения, поговорим завтра.

Утро началось с визита банковского служащего в сопровождении полицейского и оценщика недвижимости.

– Донна Нейл? Прекрасно. Мы осмотрим дом перед аукционом.

– Каким аукционом? Его должны отменить, я же приехала!

– Разве вам не говорили, что долги следует платить? – язвительно спросил служащий, глядящий выше моей головы. – Самым крупным кредитором является банк, мы продадим поместье, вот и весь сказ!

– Позвольте, но я у вас ничего не занимала! Это управляющий оказался вором и мошенником!

– Кредит был выдан под залог поместья.

– Но это мое поместье! Семейное, родовая усадьба! Он не имел права его закладывать!

– Ах, эта дворянская честь! – закатил глаза клерк. – Ваш управляющий имел доверенность на распоряжение имуществом, юная донна, еще от ваших родителей. Он и распорядился им по своему усмотрению. У вас имеются средства для погашения задолженности?

– Сколько?

– Четыре тысячи триста шестьдесят восемь далеров.

Я онемела. Сумма оказалась чудовищной. Да за эти деньги можно отгрохать второй Аранманай! Если не целиком, то пару флигелей так уж точно.

– Но откуда столько? – воскликнула в замешательстве.

– Ваш управляющий девять лет не платил налогов, помимо прочего. Пени, просрочки, плюс займы, которые он не возвращал, а только брал новые.

– Я желаю ознакомиться с документами.

– Разумеется, охотно вам все представлю и покажу.

– Поместье не стоит такой суммы, аукцион ее не принесет.

– Полагаю, что да. Триста, триста пятьдесят далеров максимум. Это семейный дом, из него не сделать мануфактуру или винокурню. Даже если вырубить деревья, земля в Нейл-Аусе стоит весьма дешево.

– Вырубить? Да яблони – главная ценность Нейл-Кастла! Здесь отец разводил новые сорта!

Банковский служащий презрительно хмыкнул.

– Яблони растут везде, а ваши яблоки отнюдь не золотые.

– У меня есть тысяча триста далеров. Это больше, чем вы получите при проведении аукциона, – я облизала губы. – Я могу занять остальное у дворянского собрания, дайте мне время!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.